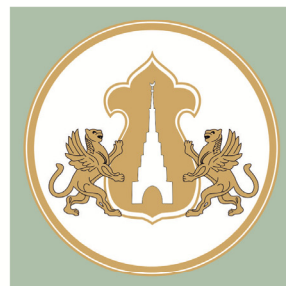

History and society

Тарих һәм жәмгыять

История и общество

TATAR GRAVES IN MIDDLE GERMANY AS-GERMAN-TATAR LIEUX DE MÉMOIRE¹

Mieste Hotopp-Riecke,

Institut für Caucasica-, Tatarica- und Turkestan-Studien (ICATAT),
Brandenburger Str. 9, 39104 Magdeburg, Germany,
Hotopp-Riecke@icatat.de.

The article presents an interesting material on the history of Tatar graves in Middle Germany. Based on the extensive analysis of the sources, it systematizes the data on the graves of the Tatars buried in Dippoldiswalde and Kleinbeucha, Saxony. The article focuses not so much on the presentation of historical facts, but rather on the spiritual component of this phenomenon. By reconstructing the history of the burials and analyzing legends and memories associated with these places, the researcher reveals the dynamics in the stereotypes developed by the local population with respect to the Tatars and Bashkirs. The article also notes the significance of “the Tatar graves” for regional culture and tourism infrastructure in Germany.

Key words: Tatars, historical memory, Middle Germany, Tatar graves, German-Tatar relationships.

Does the Longue Durée Erase Stereotypes about the Tatars?

On the one hand, the interdisciplinary approach has been strengthening close interactions between History and Turkic Studies in the last two decades. On the other hand, it has contributed to their interaction with different fields of science. The research subject of our institute, namely German-Tatar relations in the past and at the present time, provides clear evidence of this interaction: biography studies, onomastics, regional history, comprehension of

stereotypes, pedagogy, research into cross-cultural and migration processes intertwine and enrich each other. In 2013, the focus of our research was the 200th anniversary of the Napoleonic battle, wherein biographies, family stories and global cross-cultural history were closely interrelated. For my colleague, Stephan Theilig, it was genealogy in the person of his son’s Tatar great-grandmother on the maternal side. For me, it was Taterberg, the neighborhood from my childhood².

¹ This text is dedicated to the memory of my grandparents, Hermann Karl Benz and Walter Hermann Riecke, who fought in the Second World War in the Mediterranean Sea, as well as my grandmothers, Luise Hermine Benz and Elli Helene Martha Riecke, who feared they would never see their loved ones.

² Tatarenberg / Taterberg (Tatarmountain, a village in Drömling) and “The Legend of the Tatar Stone”, in addition to the dislike of the neighboring village, inspired the children's imagination.

For centuries broad masses of population first came into contact with foreign people and cultures in times of war and exile. However, in the Europe of the 21st century, without taking into account the tragic events in Afghanistan and Chechnya, young people from Germany get acquainted with other countries and cultures as early as at school age. It might happen abroad while on holiday, doing a course of studies, participating in an exchange programme, or in one's native country, owing to the migration process of the recent decades. Just like our grandfathers, who found themselves in Russia, on the island of Crete or in France during World War II, our ancestors met foreign soldiers during the Napoleonic wars, at home because of war or quarterage, and abroad – as conquerors and belligerents. Johann Joachim Riecke and Joachim Christian Riecke from Etingen (Drömling/Altmark) took part in these wars 200 years ago³. At the same time, it was the period of cultural enrichment. Thus, an “interior designer”, a painter of the church in Etingen, became famous as the sultans' artist, a designer of the sultans' palaces in Constantinople⁴. Since the foundation of the Institute, the topics of our various projects have been focused on the ambivalence of alien and native elements in the context of war, culture and cultural exchange – these are the topics which our work highlights⁵.

The subject-matter of this study is two memorial locations from German-Tatar history, dating back to the historical military events. It is about the Tatar graves in Dippoldiswalde and Kleinbeucha in Saxony.

Memorial Places

My observations of the Tatars' images and cultural identity are theoretically based on two main ideas. When I speak about *lieux de mémoire* (memorial places), I first refer to Pierre Nora's theory: places of memory in our societies can be commemorated by people in various forms: in the form

³ Joachim Christian Riecke (*8.11.1786, Etingen) was my great-great-great-great-grandfather's brother. Johann Joachim Riecke (*27.12.1788, Etingen) was the cousin of Joachim Christian. Johann Joachim's grandfather was Hans Riecke (*1727, Etingen). Grandfather Hans and Joachim Christian's father were brothers.

⁴ Adolf Quensen (2.03.1851, Gandersheim – 16.04.1911, Helwan, Ägypten) was a painter-decorator from Braunschweig in a church, who worked in the historical style.

⁵ ICATAT Institute for Caucasia-, Tatarica-, and Turkistan Studies was formed in 2005 as a result of the student initiative "Sürgün" at the Free University of Berlin [Hotopp-Riecke, 2012, p. 48].

of a national monument; in material, geographical places of memories and fixed on certain days of the year; in different literary forms, such as a novel, legend and saying; in national symbols, national dishes and articles of clothing. In this publication, we refer to the battles of Liegnitz and Tannenberg / Grunwald, the Napoleonic wars and the war graves of the Tatars in Saxony, the Tatar tower in Magdeburg, various texts of the German-Tatar contacts, which enable us to create a truthful image of the past. The second basic idea is the theory of “*longue durée*” (‘long term’) of Fernand Braudel. The Geo-historical Structuralism of Fernand Braudel suggests that in a long chain of historical events, with brief moments of prosperity and social ruptures, social, political, economic, geographical structures and notions change very little or do not change at all – we can exemplify it with a negative image of the Tatars in the last eight centuries. Undoubtedly, ethnic and national stereotypes are most vividly represented: “In relations between peoples, of greatest importance is the image, which one nation has of another, or which is being presented to one nation of another, etc. Such global ideas, to a greater extent than political manifestos, determine the climate of relationships between peoples in interpersonal interactions, and often for a very long time” [Jaworski, p. 63]. I believe that with the help of new mass media, globalization, and elimination of the system of restrictions this particular “*longue durée*” could be destroyed, as today we are at a turning point or at the final phase of our negative perceptions about the Tatars. The attitude to the Tatar graves in Germany is the proof of this fact.

Owing to a variety of articles, books, personal visits and conferences, the Tatar graves in Middle and Eastern Germany are becoming memorial places for people in the 21st century. There is one noticeable feature, which distinguishes them from the true German, French or Saxon places of memories, such as the “Zwinger”, “Kyffhäuser”, “Trabant” and “Wartburg”: Tatar graves are joint German-Tatar *Lieux de mémoire*. The paradigm shift can also be exemplified by the long-vanished Tatar cemetery for the soldiers of the Prussian army in Goldap, where they were buried not like Muslim enemies, or Tatar conquerors, but like allies and soldiers of the Prussian or Saxon army. From 1745, this East Prussian town housed the garrison cemetery of the so-called “Bosniakenregiment”. In publications, we can find just fragmentary information about this place and about the rules and rituals of the burial [Theilig, pp. 268-270]. Neither has scientific literature previously written about Tatar

graves in German settlements. They are mentioned only in publications by Norbert Fischer and Mariana Fyusselya [Fischer, p. 285], [Füssel, 2012]. Since the 1990s, S. Fehlings has been studying interethnic relationships in the context of the Tatar burial culture, however, she has been focused more on the Crimean Tatars and Crimean Tatar burial culture.

The official name of the street and the particular place, “Am Tatarengrab” (“At the Tatar Grave”) (the village of Kleinbeucha and the Dippoldiswalde district), are well established in the regional culture, which can be perfectly illustrated by the amazing stories about these graves. Newspapers and magazines published a number of articles in the German language on the graves in Dippoldiswalde and Kleinbeucha in Bad Lausick [Becker], [Müller], [Schulreich, 1998], [Schulreich, 1998], [Hotopp-Riecke, 2009]. However, whether because of the lack of literature, or due to the lack of awareness, some authors presented the facts inaccurately or even wrongly, other authors just shared their assumptions about the Tatars.

Tatar burials in Dippoldiswalde

In 2008, the newspaper “Reichstädter Nachrichten” wrote the following: “In the 18th century it was a custom to send professional soldiers to serve as mercenaries for a foreign power. Poland-Lithuania requested the Mongolians for their army because of the geographical proximity. Probably as a result, some Mongolians found themselves in Poland. These young men (Uhlans) were not an ethnic group, but rather a symbol of the traditional uniform or armour of the Polish-Lithuanian cavalry. The main distinguishing feature was a spear used as a primary weapon as well as a typical hat with a flat top of the crest. Uhlans unit (pulk/polk) corresponded approximately to one cavalry regiment (about 500 riders). Their name could be borrowed from the Mongolian language, as I know that the Cossacks called their units “polk”. It is clear that Mongolians, who were “born in the saddle”, were included into the Polish military unit. Because of certain political affinity between Saxony and Poland in the 18th century, some Polish units, the renowned Uhlans among them, fought under the banner of Saxony. In the 19th century, the Prussian army also included Uhlans (until 1918). In this way, most probably, some Muslim Mongolians appeared in our region” [Günther].

The Mongolians? The Cossacks? Poland-Lithuania? The geographical proximity? Some-

thing does not clearly add up here. These Tatar burials near Dippoldiswalde actually date back to the Seven Years' War (1756–1763), known as the Third Silesian War. All the major European powers of that time took part in the war: Prussia, Great Britain / Kur-Hannover, Russia on the one side, and Austria, France – on the other. General Serbelloni, the commander of the allied forces of Austria in 1762, had at his disposal three Uhlans regiments of the Saxon army under the command of colonels Schiebel, von Bielack and Radnitzky [Beust, pp. 244–247], [Grishin, pp. 136–142], [Hörning, p. 100], [Theilig, pp. 213–335].

However, here we should speak not about Mongolian soldiers, but about Muslim Tatars, who served in the units called “Bosniaks”, “Uhlans” and “Hussars”. It is difficult to verify their self-names, as Tatar nobles in the Polish-Lithuanian army often called themselves “Towarzyszy” (“Comrades”) [Theilig, pp. 249–252].

The Tatar settlers and mercenaries were mentioned in Halič-Wolhynien and Lithuania at the time when this area was a part of the Golden Horde (1259–1279 / 85). Thus, “the Mongolians sent to Poland” or “Muslim Mongolians” from “Reichstädter Nachrichten” were the Lipka Tatars and the Crimean Tatars, who served in the Polish army from the 14th century. The first regular units of the so-called Uhlans or Bosniaks with Tatar warriors were part of the Polish-Saxon and Prussian armies from the 17th century. Mustafa Sulkiewicz was, accordingly, not “a Tartar from a southern region of Russia” [Schäfer] but a Muslim nobleman, a representative of the Polish gentry.

The word “polk (regiment)” is not of Mongolian origin, as suggested by the author of the newspaper article. Etymologically it is connected with the word “Volk”, and the Slavic word “полк” (in Polish – “Pulk”), meaning “a unity of people, a regiment” [Heyse]. For their services to the Great Polish-Lithuanian principality some Tatar families were ranked as nobility and enjoyed certain privileges, including the right to the title of an officer in the Polish-Lithuanian army. Among them was Mustafa Sulkiewicz who died in the Battle of Reichstädt. His original tomb was designed as a kind of pyramid with a vaulted roof, which was surmounted with a turban. His colleagues buried him “according to the Tatar custom” and erected this monument [Unger, pp. 146–147]. What was meant by “the Tartar custom” remains unclear. However, several years later, “the wind and bad weather, and even more so treasure-hunters who made illegal openings <...> led to the destruction

of the entire pyramid" [Anonym, pp. 446–449]. During the War of Bavarian Succession in 1778, the Prussian officers, led by Major-General Teufel von Birkensee, restored the monument "out of respect for the displayed courage" [Unger, p. 113], [Anonym, p. 448], [Anonym, p. 188]. The head of the Magdeburg Inspection School, Lieutenant General Friedrich Christoph von Saldern (1719–1785), built a new sandstone monument, which this time was decorated with a helmet, feathers and military signs. On the reverse side of the monument the inscription read that it was erected in memory of the deceased Mustafa Maciej Sulkiewicz in May 1779 [Anonym, p. 448], [Unger, p. 147].

Great historical personalities were born to the Sulkiewicz family, they are still widely known among Lipka Tatars. Among them was the co-founder of the socialist movement in Poland, Alexander (Iskander) Mirza Sulkiewicz. His son was a well-known personality, Maciej Suleyman bey Muhammad Sulkiewicz (1865–1920) [Guliev]. He served in the Russian army as a lieutenant general and commander of the division of Muslims from 1917 to 1918, then was Prime Minister of a democratic (not Bolsheviks') government of the Crimean Tatars (from June to October 1918), and later became General of the Army in the independent democratic Azerbaijan (1919–1920).

In the newspaper "Dippoldsboten" of 2007, Dieter Schäfer gives interesting details about the subsequent fate of the Tatar burial in Dippoldiswalde, referring to the book by Unger [Schäfer], [Unger, pp. 146–148]. Thus, this is a new, third message, which states that in 1800, "the Russians" thanked the officers of Frederick the Great for the honor rendered to their compatriot. It happened during the second coalition against Napoleon, when the Russian troops were transferred to the West via Saxony, the Tatars and Bashkirs were among them. In 1840, the Saxon Kirchengalerie notes the following fact: "the Russians also paid tribute at this tombstone in 1813" [Anonym, 1840, p. 188a]. Undoubtedly, this refers to the Tatar or Bashkir soldiers from the fifteen Cossack's companies who took part in the battles of 1813" [Sporschil, Heinrich, p. 141], or were in the "Tatar-Uhlans' regiments" under the command of General Count Ostermann-Tolstoy who took part in battle of Dresden at the end of August in 1813 [Sporschil, 1840–1841, pp. 412/413]. According to Riehn, it was quite common to find Kalmyk and Tartar soldiers, serving in the Cossack units – the researcher provides the following data of 1812–

1813: twenty Bashkir (Tatars among them), four-Tatar, two Kalmyk and one Chechen regiments took part in the war against Napoleon [Riehn].

Despite the fact that this practice was taken for granted, a stereotype of Asian barbarians continued to exist in the publications of that time, describing the Uhlans, Kalmyks, Cossacks and Tatars as soldiers in their own ranks. Thus, the author of "The Great Chronicles" ("Große Chronik") Johann Sporschil reflects on the ancient, wonderful Asia as the cradle of humanity, which, however, bred many false religions, cruel sultans and "Mongolian steppe riders ruthlessly wielding their swords" who "descend, like locusts, on all living beings, leaving behind a sea of blood and pyramids of skulls." According to the author, the only driving force of the "Mongol-Tatar hordes" was bloodlust, and he emphasized that Asian society could aspire to civilization and enhancement only due to the influence from the outside, only from Europe <...> It was necessary to destroy all evidence of the past <...>, and Islam was to sink into oblivion. Yet, Muslim soldiers did serve in the Russian, Saxon and Prussian armies [Sporschil, 1845, pp. 3–4]. In any case, on the night of 23–24 in August, 1813, before the battle of Dresden, there were troops in Dippoldiswalde, which included the Tatars. The headquarters of Czar Alexander and Field Marshal von Schwarzenberg were located near Reichstädt, while General Barclay de Tolly's location was directly in Dippoldiswalde [Sporschil; Heinrich, pp. 395–397, 412], so the Muslim soldiers had plenty of opportunities to see and visit the Sulkiewicz grave. Despite the fact that society was dominated by negative perceptions of the Cossacks and Tatars of the Napoleonic period, such burials, being associated with the notions of honor, courage and memory, were tended with care [Unger, p. 116].

In his "History of the City of Dippoldiswalde until 1918" Konrad Knebel wrote: "On July 1, Polish and Saxon Lancers faced the Prussian cavalry. It was there and then that Prime Lieutenant Mustafa Maciej Sulkiewicz, a Tartar, was killed. He, because of his Muslim confession, was not buried in a Christian cemetery, but on the slope next to the walking path, where a monument was erected at the place of his burial" [Knebel, p. 377]. Soon the Tatar burial became a regional attraction, a subject of regional-historical literature and school education [Türk, p. 144]. Today, the place-name "the Tatar burial" is known everywhere. Over time, the tombstone collapsed again, so Dippoldisvald landlord Heinrich Müller and the owner of the printing house, Carl Jehne, restored the gravestone

“after collecting donations of 30 thalers and the concert of the male choir held on July 1, 1862” [Unger, p. 148]. The local population, the city administration and the Mining Society (Gebirgsverein) looked after the Tatar heritage, for it was seen as part of the regional (not negatively perceived) history.

In the twentieth century, during the Nazi era, “the memorial column” of the Tatar burial was damaged again. The initiator of its restoration was found once more. This time, accidentally, the great-grandson of the Tartar officer, the Polish artillery colonel Leon Sulkiwicz, came to Saxony as a prisoner of war, where he learned about the deplorable state of his ancestor’s tomb. Leon Sulkiwicz was born in Vilnius and after his captivity in September 26, 1939, was to be sent to Auschwitz, together with the Jewish Polish army officers, but was separated from the latter, and later was interned to the fortress of Königstein, where first Polish officers and later officers of the allied armies were kept.

Of the salary paid to prisoners of war, he saved 400 DM to restore the monument in honor of his great-grandfather. With the help of the Building Consultancy of the Saxon Department of Heritage Protection, the work must have been completed. Unfortunately, it cannot be verified against the sources as the Dresden archive was completely destroyed in 1945. Most likely, Leon Sulkiwicz learned about his great-grandfather’s damaged tomb not from their relatives but from the government advisor Nagel (Nagel) or his friend, Wolfgang Rauda, an adviser on the construction. Nagel, a member of the government council, was the son of Professor Christian August Nagel, who was in the fortress of Königstein while Colonel Leon Sulkiwicz was in captivity. Professor Nagel was the Head of the Council on the Construction and Preservation of the Saxon Heritage in Dresden. He was a close friend of architect Wolfgang Rauda, who was the head of the department of urban construction in Lodz (Litzmannstadt / Łódź) in 1940–1945. In 1945–1946 Rauda was an architect and the head of the department of construction in the Building Management Board in Saxony.

The fact that a prisoner of war was able to restore a memorial stone with the support of the government can be explained, on the one hand, by personal relationships, on the other hand, by a special status of interned officers. According to the Geneva Convention, they were allowed to be released on parole. Probably owing to this privilege, Leon Sulkiwicz met government adviser Nagel from

Dippoldiswalde. Leon Sulkiwicz was fully released and fought until 1945 in the second division of Podolien Uhlans/Lancers No.12. As a result of the third-initiated restoration, a stone slab was attached to the bottom of the front base which bore an inscription: “Restored in 1940 by Leon Sulkiwicz, the great-grandson of the Polish Commander in Chief”. This information is found in the handwritten essay of a schoolgirl, Gisela Kaden (1946). An illustration and a pencil graphics were attached to this composition [Dippoldiswalde II. Heimatbuch]. Gisela Kaden described the history of the Tatar burial and expressed her wish: “Our beautiful city was spared in this war. Let us hope that now Germany has given up all her plans of conquest, thus, reason and strong will bring peace to mankind, and the horrors and sufferings of war will never shatter our home town”. After the Second World War, the grave was more like a Peace Memorial.

Where can you see the abovementioned monument inscriptions? Unfortunately, they cannot be seen after the damage done during World War II and the impact of weather. Only during the GDR period, the grave was looked after again, and “in 1985, the monument was restored with the help of the Federal Union of Culture in Dippoldiswalde” [Schäfer], with only one visible inscription. Every other and then new publications about the Tatar grave [Berühmtes Tatarengrab] appeared due to the interest on the part of the editors of the Dippoldiswalde newspaper and Mr. Roland Richter.

In united Germany local volunteers take care of the Tatar burials. They try to make it clear to the interested public how valuable this exotic heritage is and prevent further destruction and vandalism. Turkish buses pull up regularly to the burials, the local press reports on the events related to the burials and the old chronicles have been reprinted and edited [Unger E.]. The newspaper “Sächsische Zeitung” published numerous articles about this monument: “Auf Knien durch die Vergangenheit” (“Across the Past on One’s Knees”) – 13.04.2002; “Original vom Tatarengrab entdeckt” (“The Original Tatar Grave Found”) – 24.08.2004; “270 Denkmale hat Dippoldiswalde” (“Dippoldiswalde Has 270 Monuments”) – 04.08.2005; “Der Schatz im Stein” (“Treasure in Stone”) – 30.06.2005; “Tatarengrab” (The Tatar Grave) – 20.04.2005; “Versteckte Geschichte” (“Hidden History”) – 19.04.2005; “Vergessene Schätze werden ans Licht geholt” (“Forgotten Treasures Come to Light”) – 03.01.2007; “Dippser dokumentiert Denkmäler im Landkreis” – (“Recorded Monuments of the Dip-

poldiswalde Region“) – 06.10.2008; “Vandalen randalieren am Tatarengrab in Dippoldiswalde” (“Vandals Rampant at the Tatar Grave”) – 5.4.2008. Tatar authors also mention the grave [Kričinskis].

Kleinbeucha Tatar Grave near Bad Lausick

Another Tatar grave is in the village of Kleinbeucha between Geithain, Bad Lausick and Borna. Autumn campaigns of 1813 and the decisive battles of Leipzig from the 14th to 19th of October completed the Napoleonic era in Europe. The French, Germans, Swiss, Poles, Cossacks, Italians, Dutch, Mamluks, Lipka Tatars, Croats and other units of the conquered peoples fought on the side of Napoleon. The allied forces of their military opponents included the Germans, Austrians, Russians, Belarusians, Ukrainians, Bashkirs, Cossacks, Latvians, Kalmyks, Kirghiz, Tatars, Hungarians, Czechs, Slovaks, Slovenes and Swedes. About 16,000 Prussians, 22,000 Russians, 12,000 Austrians, 300 Swedish and 30 000 French soldiers perished on the battlefield [Léfèbvre, p. 535]. At the same time, the Swedish army soldiers were not ethnic Swedes: the Swedish hired the Germans to serve in the army. The Tatars also fought in all other armies. They were housed in thousands of German homes and left their marks in dozens of messages and jokes. These traces have survived to our times in the form of the Kleinbeucha Tatar grave and the godonym Am Tatarengrab (“Near the Tatar Grave”). Other local names that would remind of the time of the Battle in toponymy have disappeared (for example, Baschkirenlager, a Bashkir camp, and Kosakengrube, a Cossack shakhta) [Kretschmar, p. 37].

Despite the relatively recent history of this tomb, its legend has interwoven with the legends, existing in this region. At the same time, the legends of the Tatar grave have interwoven with historical facts and existing mythical figures of the local folk literature:

“On the edge of the Kleinbeucha forest, a Tatar grave is located. There are two stone slabs with strange inscriptions; two limes, one at the head, the other at the foot, set them off. Here lies the dead Tatar Hetman⁶. It is a truly beautiful place, where dreaming of his distant homeland, he can relax from the noise of the shots from the battlefield. He fought bravely at the Battle of Leipzig and was se-

riously wounded in the battle of Kleinbeucha. His faithful companions brought him to the estate of Dietrich, where he died.

Years passed. Autumn has come again. The golden sun rises over the fields, where the shepherd and his faithful Wolf are herding sheep. A strange sound breaks the silence. The cowardly sheep huddle together. Wolf, a brave companion, who is always ready for a fight, hides timidly behind his master. A little man with a long white beard patters towards the shepherd. The shepherd looks at the dwarf with big and wondering eyes. “Take this, says the dwarf, it’s a magic book, through which you can become the owner of immense wealth. Take it quick, it is only once in a hundred years, that I can offer my treasures to a man.” But the pious shepherd refuses. All his life his honest work has brought him joy, so he would not want to mess with magic. Then the little man leaves. Near the Tatar grave he disappears into the woods. Where you can still see the ruined walls of the vanished village, he will have to sleep for another hundred years”.

So says the legend, recorded in the twentieth century and assigned to the regional culture memory [Schulreich, p. 73], [Müller, p. 369]. These legends were handed down from mouth to mouth for almost two centuries, however they appeared in writing only in the late 1970s thanks to businessman Gottfried Becker from Bad Lausick and the teacher of mathematics, Dr.Senf of Geithain, who sent them to the editor of the regional newspaper “Leipziger Volkszeitung”.

Interesting but controversial information is contained in an article published in the newspaper “Neue Geithainer Stimme” in 1963:

“Today, next to the tomb, there is a carved wooden plaque, which indicates the value of the place, unfortunately, not accurately enough. According to the legend, which is based on the testimony of eyewitnesses, it was a Cossack hetman, who was then living in the Beucha estate. There he fell ill with typhus, and in order to avoid the spread of the infection, he was isolated on a small farm. His valet and a school teacher cared for him until his death. As the officer asked to be buried in the place where his peace would not be disturbed, Beucha farmers dug a grave on a hill on the edge of the forest, where they buried the officer's body, wrapped in the green cloth of the Prophet Muhammad. At the grave they put a pot of water and smashed it. The Cossacks gave a coin to each of the attending children and told them not to look back at the grave. The adults also got their gifts.”

⁶ Interestingly, the word of German origin has transformed through Polish and Ukrainian into Tatar “commander-Hetman” (from German Hauptmann) and by adding the second “n” has returned to the German language.

The above episode, describing the riches, offered by the dwarf, may be associated with this tradition of leaving the grave with the money given by the Cossacks. The motif of integrity and honesty sounds here just like in moralizing tales and legends of the 18th century.

“Whether these events took place at the beginning of 1813 or just after the Battle of the Nations, we cannot find out today. The first assumption can be proved by oral narratives, according to which the French were there on the 10th of October with the intention to destroy and desecrate the grave” [Becker 1963]. At that time, the tombstone, which was originally adorned with mosaics, had already been destroyed, and the vandals-destroyers had fled because of the Allied offensive. This mosaic image is the evidence that the officer was buried together with his horse. The inscription says that the Tatar traveled with ten horses and in silk linens, which means that he was a high-ranking officer.

“This view is consistent with the hostilities, raging in those days. For about 25 years the tomb was under the care of the compatriots from distant Russia. It is gratifying that today proper care is still being provided”.

This is a quote of 1963. The question remains open whether the perished soldier was, according to rumors, really a Cossack Hetman, or he was a member of the opponents’ unit. Tatar and Bashkir soldiers fought, as was mentioned above, in all the armies of the former military adversaries, in the various Cossack associations of all the armies, as well as part of the Tatar or Bashkir Uhlans, drafted as recruits, or by military units deployed in Ufa, Simferopol, Perekop, etc. The fact that for many years, relatives used to visit the graves, as well as the use of the word “rok” on the original tombstone could be the evidence that a Lithuanian Tatar was buried in this grave. The Polish word “rok” or Ukrainian “pik” could not come from the Russian Volga regions, where the Tatars and Bashkirs lived, neither were they used by the Crimean population with the common Russian language.

The Tatar cavalry from Poland and Lithuania could be found both in the Napoleon's army [Nawrot, 2008, pp. 480–624], [Morawski, 2008], and in the allied armies. We know for certain that in the Battle of the Nations the Lithuanian Tatars under the command of General Krasinski fought on the side of the French army. The 4th, 5th, 6th and 7th Polish squadrons of Chevauléger-lancier Regiment de la Garde were under the command of Gen. Krasinski (43 officers, 535 soldiers). In addi-

tion, in the Napoleon's army there were: General Lion with Chevauléger-lancier polk de la Garde (42 officers, 530 soldiers); the 26th Light Cavalry under the command of Colonel Lindenau (32 officers, 652 soldiers); Prince Clement Regiment of Ulans; the 8th Corps under Generals Poniatowski, General Kamienecki and Gen. Sierawski; brigades of Generals Malachowski and Grabowski, the 27th Light Cavalry under General Uminski, the 27th Polish Division under Generals Dombrowski and Zoltowski; the 18th Light Cavalry inclusive the 4th Ulan-Lancers led by General Krukowiecki; the 4th Cavalry Corps with for Ulan-Lancers led by Generals Sokolnicki and Tolinski; the 8th Light Cavalry under Gen. Sulkowski; the 19th Cavalry Brigade under General Krustowski with 8 Ulan units. In particular, the squadron of Lithuanian Tartars, led by Captain Sultan Uhlans and Lieutenant Hasan Aleb-Imam were mentioned, who took part in the battles of Großgörschen, Bautzen, Dresden and Leipzig and, after the war, continued their service in the army of Alexander I [Akhmetshin, pp. 138–139].

Depending on the era, the region formed a different view of the Tatar grave, but it always fit into the canons of the prevailing political conditions: in the context of the Napoleonic wars, the Tatars were referred to as liberators, while during World War II, they were among the enemies, the soldiers of the Soviet Army (the fact that tens of thousands of the Volga and Crimean Tatars served in the Wehrmacht was not known by the German public). For example, the latter view is expressed in a school composition of 1943. The pupil wrote about the 130th anniversary of the Kleinbeucha burial: “Today, once again, his compatriots visited him, but not as friends but as enemies and prisoners of war”⁷.

In the context of the German-Soviet Friendship, the grave was later represented in the GDR. In 1963, the newspaper “Neue Geithainer Stimme” wrote:

“For about 25 years, the tomb was in the care of the relatives from distant Russia. It is gratifying that nowadays proper care is being provided. Would it not be a noble task for our young pioneers to take care of the grave, which is a symbol of the Russian-German brotherhood-in-arms?” [Becker, 1963]

It was ten years earlier, in the initial phase of the Cold War, that this period in history was interpreted in line with policy proclaimed by the “pow-

⁷ I am extremely grateful to Mr. Helmut Hentschel for providing these sources.

er of workers and peasants.” Accordingly, the attitude to such ethnically-mixed liberators as “the Cossacks, Bashkirs, Tatars, Kalmyks, who appeared here and there riding their nimble steppe horses”, according to the Stalinist doctrine, was as follows:

“We know that nowadays the persecution of the Soviet Union has created an ideological starting point for a new imperialist war against this country. We also know that once this fundamental folly of the 20th century, as Thomas Mann called the hatred and persecution of the Soviet Union, plunged our people into deep poverty. It has been said to show our German brothers, that the Russian people has been and keep being our friends: the Russian people in 1813 and the Soviet people today - the first representatives of a socialist state in the world” [Donath, 1953, pp. 61, 187].

This extract demonstrates ideological limitations of the GDR’s historical literature and the incompetent assessment of the real, controversial and absolutely non-peaceful unification of peoples at different times. The erroneous assumption about the unity of peoples in the tsarist empire and the equality of “free socialist nations” in the army reflects the view of Moscow ideologists and demonstrates the habit of unifying all representatives of the eastern nations under the same label as a positive Soviet model.

If at the beginning of the 19th century, our population perceived the Russians as alien neighbors from the North, the Tatars and Bashkirs were even less known, as for the near neighbors, the Lipka Tatars were not known at all. Actually, public perception has changed little today. For example, Yusuf, son of Mustafa, an officer, sometimes is referred to as a Turk⁸, a Bashkir⁹, a Tatar, sometimes as “a Russian Cossack” or called neutrally a Muslim, still there exist various speculations.

Here is an amazing piece of text, taken from “The Church Gallery in Saxony (Kirchen-Galerie Sachsen)”: “Not far from Beucha, near the so-called the Kämmer Bridge across the Eula, is the tomb of a high-ranking Turkish officer who died of fever in the hospital and, as a descendant of the Prophet, was wrapped up in green cloth by his men and buried here. The tombstone consists of two plates. On the eastern side there is an inscription in Turkish: 1813. Jesus (sic!), the son of Mustafa, generous and brave. On the western side the inscription is in Arabic: “There is no god but He (God) and Muhammad, the Prophet of God (a say-

ing from the Qur'an)”. But in the original, it is said: “Beucha. (...) At one point of this village there is a Turkish grave where a representative of the last War of Nations is buried on the open hill. With Arab and Turkish inscriptions, consecrated by the Mufti, damaged by the French and decorated with sandstone it stands in the shade of lime trees of patriotism” [Hofmann, pp. 115–116].

The information board at the grave in Kleinbeucha reads: “Most likely, this could be the commander of the Bashkir divisions of the Russian army. These people, who as early as in 1550, came under Russian jurisdiction, lived in an autonomous region which, in the case of the war, was to provide elite equestrian troops who terrified the French soldiers” was till 2011 written on the information board at the Kleinbeuchaer grave; the authorship belongs to the “Local Organization of the Bornaer Land (Heimatverein Bornaer Land e.V.)”.

Until 2011, the same information board read that the category of “Cossack”, perceived as an ethnic name, has been ruled out of use with the explanation that

“<...> the Cossacks are Christians, while on the two previous plates on the gravestones and gravestone inscriptions indicate the followers of Mohammed. It is unlikely that the Crimean Tatars, who are Muslims, were meant in this case, because during the Russian-Turkish war of 1806-1812, the Crimean Tatars did not fight in the liberation war on the side of Russia for religious reasons”.

This interpretation itself contains certain inaccuracies. The Cossack regiments included the Muslims as well: on the one hand, the Cossacks lived on the Rivers Don, Dnieper and in Kuban; on the other hand, which is appropriate for our context, in the Western armies, it was already a familiar and universally accepted military term – similar to Hussars, Uhlans and Dragoons.

The second inaccuracy appeared, probably, because of ignorance – the ignorance of the historical multi-ethnic and multi-religious composition of the tsarist army. As mentioned above, the regiments of the Crimean Tatars fought in the permanent formations of the Russian army, actually since the moment when the Crimean Khanate was occupied by the troops of Catherine II in 1783. Masyaev, for example, describes the early years of the Crimean Tatars’ service on the side of Russia from 1784 to 1796 and confirms this with numerous references [Masaev]. In German literature, the Russian Tatars were perceived as enemies from the East, and were

⁸ Becker 1963.

⁹ Donath 1953, pp. 187 and 61.

understood as a kind of exotic addition to the tsarist army [Keller, Pawlik]:

“They were like true birds-of-paradise amongst Russians and others in the uniform of the Allied Army. Everyone had to provide for themselves in the way of clothing whichever he could get. Therefore, most of them [Crimean Tatars] wore colorful trousers and leather boots”. Here even the “tartar” writing has been preserved with the so called “Tartaros-R”: “Bashkir and Tartar archers participated...” wrote K. Meine in 2011 [Meine, p. 135].

While the troops of the Polish, Lithuanian and Tatar regiment from the Baltic region hardly attracted any attention - they wore the same uniforms as the Prussian and Saxon Lancers – the Bashkirs, Kirghiz and Kalmyks excited special public interest owing to their physiognomy and clothing.

We can say that in general the negative image, which the population of central Germany had had of the Tatars and Bashkirs, changed in many ways after getting familiar with them during the Napoleonic Wars. Thousands of them were deployed for several months in Leipzig, Dessau, Magdeburg (Westerhüsen, Olvenstedt) and Dresden, as is recorded in the numerous sources of that time [Die Völkerschlacht bei Leipzig, p. 298].

In 1990's after the Tatar and Bashkir migrants had found their new home in Saxony of the new united Germany, Leipzig and Dresden hosted a grand opening of two memorial stones in honour of the Bashkir soldiers of the Russian army killed in 1812-1815. During the opening ceremony of the Bashkir monument, the attention of media was also drawn to the Tatar grave. In 2008, a report about the Kleinbeucha grave and the story about “their Bashkir countryman” was published thanks to the Bashkir television journalists. Long before the anniversary celebration in 2013, a great interest in cooperation was expressed by the German local and regional historical societies, a group of the Crimean Tatars in Germany, Tatar and Bashkir Associations in Germany, who actively participated in the preparation of the event¹⁰. Among them are: “Heimatverein des Bornaer Landes e.V.”, “Stadt- und Heimatverein Rötha e.V.”, “Stadtgeschichtliche Museum Leipzig”, “Leipzig Tourist & Marketing GmbH”, “Förderverein Völkerschlachtdenkmal e.V.”, “Interessenverein Völkerschlacht b. Leipzig 1813 e.V.”, “Tatarlar Deutschland e.V.”, “Deutsch-tatarischer Integrations-Verein TAMGA e.V.”, “Tatarisch-Baschkirischer Kulturverein

e.V.”, and “Landsmannschaft der Krimtataren in Deutschland e.V.”.

Such a significant thing, as officer Yusuf's ethnic affiliation, continues to cause considerable competition: new developments and initiatives concerning the Tatar tombstone in Kleinbeucha demonstrate the importance of this unique witness for memory discourse both in post-Soviet migrants' homeland, and among the Crimean Tatars in Germany, as well as among historians and representatives of the local population, interested in history [Riemer, pp. 50–55], [Hussel, p. 51].

Not only visitors from Tatarstan (such as Rustem Gaynetdinov of the World Congress of Tatars), but Venera Gerasimova-Vagizova, the editor-in-chief of the *AlTaBash*, regularly wrote about the Tatar graves in Germany. Through the records on the pages of the Foundation of the Volga Tatar “Ташлардагы татар тарихы” the Saxon Tatar graves, as well as the Tatar cemetery in Zehrendorf are recorded in the canon of Tatar memorial sites¹¹.

The Association of the Crimean Tatars in Germany, the oldest among the registered Muslim organizations in Germany at all (founded in 04.14.1965), refers the graves in Saxony to their history. Norbert Link-Hessing, the secretary of the association, published a report on this topic¹².

It is believed that by studying the history of the care, provided for the two Tatar gravestones in Saxony, the image of the Tatars, not entirely homogeneous and slightly modified but not negative, is passed to new generations.

The place name “the Tatar grave”, together with its historical and national literary background, is part of the regional culture and tourism infrastructure: a walk to the graves along the historical paths is advertised to tourists. The citizens, employed in municipal educational institutions, believe that attractive tourism itineraries should be developed for the benefit of the regional economy. With the help of the Dippoldiswalde Museum, the city administration, as well as Tatar and Turkish migrants in collaboration with ICATAT and the Military History Museum in Dresden access to the Tatar grave in Dippoldiswalde will be resumed,

¹¹ <http://tashlar.narod.ru/text/alman-kaber-ru.htm> (22.12.2009). http://www.partner-inform.de/news.php?ids=3472_134_4_12 (22.11.2010). <http://www.azatlyk.org/content/Article/1350671.html> (22.9.2009).

¹² <http://tashlar.narod.ru/text/alman-kaber-ru.htm> (22.12.2009); <http://www.tatarlar-deutschland.de/2009/09/14/tatarskaya-mogila-bliz-boyhi/> (13.12.2010).

¹⁰ For this information I thank very much Mr. Helmut Hentschel from Rötha, near Kleinbeucha.

they also plan to create favorable conditions for tourism. The financial department of the Cultural and Ecological Leipzig Foundation has made a decisive contribution to this course and to the further commemoration of this cultural monument [Loest].

In conclusion, we will refer to a quote from the extensive documentation on the German-Tatar cooperation of recent years with respect to the national significance of the Tatar graves in Saxony: "This is one of the few testimonies of both tolerance and active joint struggle aimed to preserve the German-Tatar heritage, which does not remind of peaceful cultural contacts between different nations but recalls one of the worst multi-ethnic battles in our history. Moreover, such a creative activity of the Saxony civil society around the Tatar graves will be remembered for many generations owing to the realities, which were not characteristic of those times and in all parts of Germany. Could an officer, Yusuf, son of Mustafa, a man from among the people, imagine a dual opinion of him, existing in the German public opinion: as a descendant of the steppe barbarians and a Muslim from the East?"¹³

References

- Akhmetshin, Sh. K., Naserov, Sh. A. (2006). *Tatary na sluzhbe Otechestva. Dolg. Otvaga. Chest'* [The Tatars in the Service of their Fatherland. Duty. Courage. Honor]. Stranitsy istorii tatarskikh voinskikh chastei v rossiiskoi armii imperatorskoi gvardii. St. Peterburg, Slaviia. (In Russian)
- Anonymous: *Dippoldiswalda*. (1840). In: Sachsens Kirchen-Galerie. Die Inspectionen: Pirna, Altenberg und Dippoldiswalde. Dresden: Herrmann Schmidt, Vierter Bd. / 5. Abth., pp.187–193. (In German)
- Anonymous: *Miscellaneen*. (1784). In: (Hasche, J. C.) Magazin der sächsischen Geschichte. Dresden: Hasche, J.C., Erster Theil / zehntes Stück / XXXVIII, pp. 446–449. (In German)
- Becker, Gottfried. (1963). *Das Tatarengrab von Kleinbeucha*. In: Neue Geithainer Stimme. Geithain. (In German)
- Berühmtes Tatarengrab*. (2010). In: Dippoldsbote No. 51, 20. Januar, p. 8. (In German)
- Beust, Friedrich Constantin von. *Feldzüge der Kursächsischen Armee 1803 / Feldzüge in den Jahren 1733 bis 1763*. Camburg: Wilhelm Rößler. (In German)
- Braudel, Fernand. (1977). *Geschichte und Sozialwissenschaften. Die longuedurée*. In: (Honegger, Claudia) Schrift und Materie der Geschichte. Vorschläge zu einer systematischen Aneignung historischer Prozesse. Pp. 47–85. Frankfurt a. M. Suhrkamp. (In German)
- Die Völkerschlacht bei Leipzig: nebst Nachrichten von Zeitgenossen und Augenzeugen über dieselbe* (1863). Hrsg. Robert Naumann. Leipzig. (In German)
- Dippoldiswalde II. Heimatbuch. (2010). Hrsg. Von Guntram König. Selbstverlag Dippoldiswalde. (In German)
- Donath, Fritz. *Leipzig 1813: die Völkerschlacht im nationalen Befreiungskampf des deutschen Volkes*. (1953). Leipzig: Bibliographisches Institut, Leipziger stadtschichtliche Forschungen im Auftrage des Stadtgeschichtlichen Museums. (In German)
- Fehlings, Susanne. (2008). *Ruhestätten in bester Lage*. Räumliche Ordnungen sozialer Werte auf Friedhöfen in Simferopol/Krim. Berlin/Münster: Lit. (In German)
- Fischer, Norbert. (2003). *Raum für Tote: die Geschichte der Friedhöfe von den Gräberstraßen der Römerzeit bis zur anonymen Bestattung*. Kassel: AG Friedhof und Denkmal, Zentralinstitut und Museum für Sepulkralkultur / Braunschweig: Thalacker.
- Füssel, Marian. (2012). *Der inszenierte Tod. Militärische Sterbe- und Beerdigungsrituale im Siebenjährigen Krieg*. In: Pröve, Ralf / Winkel, Carmen (Hrsg.): Übergänge schaffen. Ritual und Performanz in der frühneuzeitlichen Militärgesellschaft. Pp. 127–152 (Serie "Herrschaft und soziale Systeme in der Frühen Neuzeit" 16, Göttingen V&R Unipress). (In German)
- Göschel, Joachim. (1964). *Die Orts-, Flur- und Flussnamen der Kreise Borna und Geithain*. Namenkundliche Untersuchungen zur Sprach- und Siedlungsgeschichte Nordwestsachsens. Köln / Wien: Böhlau, Mitteldeutsche Forschungen. (In German)
- Göschel, Joachim. (1964). *Die Orts-, Flur- und Flussnamen der Kreise Borna und Geithain*. Namenkundliche Untersuchungen zur Sprach- und Siedlungsgeschichte Nordwestsachsens. Köln / Wien: Böhlau, Mitteldeutsche Forschungen. (In German)
- Grishin, Ia. Ia. (1997). *Vzgliad cherez veka* [Looking through the Centuries]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izd-vo. (In Russian)
- Guliev, V. (2006). *Pol'skie tatary na sluzhbe azerbaidzhanskoi gosudarstvennosti* [The Polish Tatars in the Service of the Azerbaijani Statehood]. Zerkalo.No. 2, 9, 16, 23, 30. 2007, № 13, 20, 27. URL: <http://www.zerkalo.az/> (accessed: 22.01.2010). (In Russian)
- Günther, Thomas. (2008). *Das Tatarengrab bei Dippoldiswalde*. In: *Reichstädter Nachrichten*. Reichstädt / Dippoldiswalde: Ortschaftsrat Reichstädt, Januar 9/10. (In German)
- Heyse, Karl Wilhelm Ludwig. (1973). *System der Sprachwissenschaft*. Hildesheim, Olms. (In German)
- Hofmann, A. (1840/41). *Beucha*. In: Sachsens Kirchen-Galerie, 6. Bd., 7. Abth., die Inspectionen: Borna und Pegau, Lieferung 29, pp. 115–116. Dresden, Hermann Schmidt. (In German)
- Hörning, Johann Christian, Adelung, Johann Christoph (Hrsg.) (1763). *Denkwürdigkeiten Friedrichs*

¹³ <http://www.kultur-und-umweltstiftung.de/voelkerschlacht/restaurierung-des-tatarengrabes-bei-kleinbeucha/grussworte-zur-enthuellung-des-sanierten-tatarengrabes/> (22.1.2014).

- des Großen, itzt regierenden Königs in Preussen. Gotha. (In German)
- Hotopp-Riecke, M. (2012). *Am Tatarengrab von Kleinbeucha. Sachsen: Eine Ortschaft ist stolz auf ein seltenes Element ihrer Geschichte*. In: Islamische Zeitung, Berlin, 28.1. P. 8. (In German)
- Hotopp-Riecke, M. *Tataren in Sachsen. Von der Krim nach Kleinbeuch* (mit Anja Hotopp). In: ZENITH. Hamburg/Berlin, 23.5.2013. URL: <http://www.zenithonline.de/deutsch/gesellschaft/artikel/von-der-krim-nach-kleinbeucha-003660/> (accessed: 20.06.2013). (In German)
- Hotopp-Riecke, M. *Engagiert und interdisziplinär: 5 Jahre Institut für Caucasia-, Tatarica- und Turkestan-Studien (ICATAT)*. In: Kharissov, Ildar (Hrsg.): Wissenschaft, Kultur und Ehrenamt: 20 Jahre Gesellschaft für Osteuropa-Förderung e.V.; Berlin: Gesellschaft für Osteuropa-Förderung e.V., Zwischen Orient und Okzident Nr. 11, 2012, Pp. 48–62. URL: <http://icatat.files.wordpress.com/2008/01/entstehung-des-icatat.pdf> (accessed: 22.01.2014). (In German)
- Hotopp-Riecke, M. (2009). *Sachsens Geschichte in Granit. Baschkirenstein und Tatarengräber in Sachsen*. In: Altabash, No. 57 (6), November/Dezember, pp. 19–24. (In German)
- Hussell, Ludwig. (1988). *Kosaken und Baschkiren*. In: Börner, Karl-Heinz (Hrsg.) *Vor Leipzig 1813 – die Völkerschlacht in Augenzeugenberichten*. Berlin, Verlag der Nation. (In German)
- Jaworski, Rudolf. (1987). *Osteuropa als Gegenstand historischer Stereotypenforschung*. In: Geschichte und Gesellschaft. Widerstand und Dissens in Osteuropa. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 13. Jahrg., H. 1, pp. 63–76. (In German)
- Keller, M., Pawlik, C. (1992). *Russen und Russland aus deutscher Sicht, 9–17. Jahrhundert*. München, Fink. (In German)
- Kretzschmar, Karl-Heinz. (2007). *Russische Truppen in der Völkerschlacht 1813 – Erinnerungsstätten im Leipziger Raum*. In: Leipzig und Russland: Streiflichter aus Vergangenheit und Gegenwart. Hrsg. von Erhard Hexelschneider ...; Rosa-Luxemburg-Stiftung Sachsen. – Leipzig, Rosa-Luxemburg-Stiftung Sachsen. (In German)
- Kričinskis, Stanislovas. (1993). *Lietuvos totoriai: istorinės ir etnografinės monografijos bandymas* [Lithuanian Tatars: Historical and Ethnographic Monograph]. Vilnius, Mokslo ir enciklopedijų leidykla. (In Lithuanian)
- Kultur- und Umweltstiftung Leipziger Land (Hrsg.). (2012). *Bewahren was uns ausmacht*. Förderprojekte 2001–2012. Leipzig, KUS. (In German)
- Lefebvre, Georges. (2003). *Napoleon*. Stuttgart: Klett-Cotta. (In German)
- Loest, Erich. (2012). *Sechs Eichen bei Rötha*. Satiren. Göttingen, Steidl. (In German)
- Masaev M. V. (1999). *Tavricheskie tatarskie diviziony beshleiskogo voiska (1784–1796)* [The Taurida Tatar Divisions of the Beshlei Troops (1784–1796)]. Dokumenty i materialy. Iz istorii voennoi sluzhby krymskikh tatar. Simferopol, Dolia, (In Russian)
- Meine, Thomas M. (2011). *»Alle ins Gold!« und andere Irrtümer rund um Pfeil und Bogen*. Norderstedt, BoD. (In German)
- Morawski, Ryszard, Nieuważny, Andrzej. (2008). *Wojsko Polskie w służbie Napoleona* [Polish Army in the Service of Napoleon]. Gwardia: szwoleżerowie, Tatarzy, eklererzy, grenadierzy. Warszawa, Karabela. (In Polish)
- Müller, Manfred. (1999). *Rundblick-Lesebuch: Heimatgeschichte, Brauchtum und Sagen aus dem Muldentalkreis; eine Sammlung von Erzählungen, Geschichten, Berichten und Anekdoten aus der Zeit zwischen 1500 und 1990*. Beucha / Markkleeberg, Sax-Verlag. (In German)
- Nawrot, Dariusz. (2008). *Litwa i Napoleon w 1812 roku* [Lithuania and Napoleon in 1812]. Katowice, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach, Seria Historia. (In Polish)
- Riehn, Richard K. (1990). *1812: Napoleon's Russian Campaign*. New York [u.a.]: McGraw-Hill. (In English)
- Riemer, Susanne. (2008). *Erinnerungsfragmente an die Befreiungskämpfe in Leipzig und Umgebung*. Norderstedt, GRIN. (In German)
- Schäfer, Dieter. (2007). *Das Denkmal Tatarengrab*. In: Dippoldsbote, No. 21 vom 18. Juli. (In German)
- Schulreich, Ekkehard (Red.). (1998). *Das Tatarengrab bei Kleinbeucha*. In: Heimatblätter aus dem Bornaer Land. Borna, Heimatverein des Bornaer Landes e.V., No. 7, p. 73. (In German)
- Schulreich, Ekkehard. (1998). *Interessante Geschichten um Grabstelle bei Kleinbeucha*. Völkerschlacht wird gefeiert, doch Tatarengrab verkommt. In: Leipziger Volkszeitung. Leipzig, 21.10.
- Sporschil, Johann, Heinrich, M. (1840–1841). *Die grosse Chronik. Geschichte des Krieges der verbündeten Europa's gegen Napoleon Bonaparte, in den Jahren 1813, 1814 und 1815*. Braunschweig, Westermann. (In German)
- Theilig, Stephan. (2013). *Türken, Mohren und Tataren. Muslimische (Lebens-) Welten in Brandenburg-Preußen im 18. Jahrhundert*. Berlin, Frank & Timme. (In German)
- Türk, Woldemar. (1860). *Ein Tartarengrab*. In: *Sachsengrün. Culturgeschichtliche Zeitschrift*. Dresden: Klemm, G. / Richard, A.B. / Gottwald, F., Nr. 1 / 1. Oktober, 144. (In German)
- Unger, Erhard. (1997). *Unsere Heimat – Bunte Bilder aus dem Dipp's'er Land*. Dippoldiswalde, Grafische Werkstätten. (In German)
- Unger, Rudolf. *Unsere Heimat, der Bezirk Dippoldiswalde*. Heimatkunde. Dippoldiswalde, Paul Quase, o.A. (In German)
- Vergessene Schätze werden ans Licht geholt*. In: Sächsische Zeitung, 3.1.2007. (In German)

О РОЛИ ТАТАРСКИХ МОГИЛ В СРЕДНЕЙ ГЕРМАНИИ КАК МЕСТА НЕМЕЦКО-ТАТАРСКОЙ ПАМЯТИ¹

Мисте Хотопп-Рикке,

Институт кавказских, татароведческих
и туркестанских исследований (ICATAT),
Германия, 39124, г. Магдебург, ул. Швизер, д. 11 / R. 2126,
Hotopp-Riecke@icatat.de.

В статье представлен интересный материал по истории татарских могил в Средней Германии. На основе обширного анализа источников систематизируются данные о захоронениях татар в Диппольдисвальде (Dippoldiswalde) и Кляйнбойха (Kleinbeucha) в Саксонии. Внимание автора сосредоточено не столько на изложении исторических фактов, сколько на исследовании духовной составляющей этого феномена. Реконструируя историю захоронений, анализируя связанные с ними легенды и воспоминания, исследователь выявил динамику в стереотипах местного населения в отношении к татарам и башкирам. Раскрыто значение «татарских могил» в региональной культуре и туристической инфраструктуре Германии.

Ключевые слова: татары, историческая память, Средняя Германия, татарские захоронения, германо-татарские взаимосвязи.

Стирает ли *longue durée* стереотипы о татарах?

Междисциплинарный подход в истории и тюркологии, с одной стороны, в последние два десятилетия укрепляет тесное взаимодействие этих двух предметов, с другой стороны, способствует их взаимосвязи с другими областями наук. На примере предмета исследования нашего института, а именно немецко-татарских отношений в прошлом и в настоящее время, это становится очевидным: изучение биографий, ономастика, региональная история, осмысление стереотипов, педагогика, исследование межкультурных и миграционных процессов переплетаются и обогащают друг друга. В 2013 г. в центре наших исследований находилось 200-летие битвы Наполеоновских войн. При этом жизнеописание, семейные истории и глобальная межкультурная история остаются тесно взаимосвязанными. У коллеги Стефана Тайлига – это родословие в лице татарской прабабушки его сына по материнской линии, у меня – соседство с Татерберг (Taterberg) моего детства².

Если на протяжении веков первое знакомство с чужими людьми и культурой для широких масс населения было возможным во времена войн и изгнаний, то в Европе XXI века, не принимая во внимание трагические события в Афганистане и Чечне, молодые немцы знакомятся с другими странами и культурой уже в школьном возрасте. Это может происходить за границей во время отпуска, учебы, обмена учениками или на родине благодаря миграционным процессам последних десятилетий. Как наши дедушки оказались в России, на о. Крит или во Франции во время Второй мировой войны, так и наши предки сталкивались с чужими солдатами во время Наполеоновских войн, на родине из-за войны или расквартирования, за границей – как завоеватели и воюющая сторона. Иоганн Иоахим Рикке и Иоахим Кристиан Рикке из Этингена (Etingen) (Дрёмлинг / Альтмарк – Drömling/Altmark) 200 лет назад принимали участие в этих войнах³. Одновременно при

¹ Этот текст посвящен памяти моих дедушек Карла Германна Бенца и Вальтера Германна Рикке, которые сражались во Второй Отечественной войне в Средиземном море, а также моим бабушкам Луизе Гермине Бенц и Элли Елене Марта Рикке, которые боялись, что никогда не увидят своих любимых.

² Татаренберг / Татерберг (Tatarenberg / Taterberg) (деревня в Дрёмлинге) и распространенное здесь «Сказание о Татарском камне» окрыляли когда-то детские фантазии...

³ Иоахим Кристиан Рикке (*8.11.1786, Этинген) является братом моего прапрапрадеда. Иоганн Иоахим Рикке (*27.12.1788, Этинген) – кузен Иоахима Кристиана. Дедушкой Иоганна Иоахима был Ганс Рикке (*1727, Этинген). Дедушка Ганс и отец Иоахима Кристиана были братьями.

этом имело место и культурное обогащение. Так, «дизайнер интерьера», художник церкви в Этингене (Etingen) стал известным как художник султанов, оформитель султанских дворцов в Константинополе⁴. Амбивалентность чужого и близкого в контексте, связанном с войной, а также с культурой и культурным обменом, – вот какие темы освещает наша работа с помощью различных проектов со времени основания института⁵.

Предметом данного исследования являются два места памяти немецко-татарской истории, которые восходят к историческим, опять-таки военным, событиям. Речь идет о татарских могилах в Диппольдисвальде (Dippoldiswalde) и Кляйнбойха (Kleinbeucha) в Саксонии.

Места воспоминаний

Мои представления о татарах и их культурной идентичности основаны теоретически на двух основных идеях. Когда я веду речь о памятных местах, то ссылаюсь прежде всего на теорию, автором которой является Пьер Нора (Pierre Nora). По его мнению, памятные, исторические места (*lieux de mémoire*) могут быть воспроизведены людьми в различной форме – в виде памятника с национальным смыслом, в материальных, географических местах воспоминаний, в определенных днях года, в произведениях литературы и фольклора, таких как, например, романы, предания и поговорки, в национальных символах, предметах одежды, национальной кухне. В контексте данной публикации это имеет отношение к сражениям под Легницей (Liegnitz) и Танненбергом / Грюнвальдом (Tannenberg / Grunwald), наполеоновским войнам и оставшимся после них могилам татар в Саксонии, Татарской башне в Магдебурге, различным текстам о германо-татарских контактах, которые позволяют представить прошлое достаточно правдоподобно.

Второй основной идеей является теория «*longue durée*» («долгая память») Фернана Броделя (Fernand Braudel). Структуралистская кон-

цепция Броделя предполагает, что в длинной цепочке исторических событий – с краткими моментами расцвета и общественными переломами – общественные, политические, экономические, географические структуры или же представления меняются совсем мало либо не изменяются вовсе – это мы ясно видим на примере негативного образа татар в течение последних восьми столетий. Несомненно, наиболее яркий пример представляют этнические и национальные стереотипы: «в отношениях между народами невозможно переоценить ту картину, как одна нация представляет другую, или что одной нации внушается про другую и т. д. Такие глобальные идеи в большей степени, чем политические программы, определяют климат между народами в межличностных отношениях и нередко в течение очень длительного времени» [Jaworski, с. 63]. Я полагаю, что с помощью новых средств массовой информации, вследствие глобализации и ликвидации системы ограничений эта специфическая «*longue durée*» может быть разрушена: ведь мы сейчас находимся в переломной или же окончательной фазе негативных представлений о татарах. Это можно увидеть на примере отношения к татарским могилам в Германии.

Татарские могилы в Центральной и Восточной Германии с помощью различных статей, книг, личных визитов, конференций становятся для народа в XXI в. местами воспоминаний. От истинно немецких, французских или саксонских мест, таких как, например, «Цвингер» (Zwinger), «Кифхойзер» (Kyffhäuser), «Трабант» (Trabant) или «Вартбург» (Wartburg), их отличает то, что татарские могилы являются совместными немецко-татарскими *Lieux de mémoire* («ячейки памяти»).

Изменение парадигмы можно увидеть также на примере давно исчезнувшего кладбища для татарских солдат прусской армии в г. Гольдап (Goldap) – здесь были похоронены не враги-мусульмане или завоеватели-татары, а союзники и солдаты прусской или саксонской армии. В этом городке в Восточной Пруссии с 1745 г. располагалось гарнизонное кладбище так называемого «полка босняков» (Bosniakenregiment). В публикациях имеются лишь фрагментарные сведения о нем, о правилах и ритуалах захоронения [Theilig, с. 268–270]. В научной литературе ранее не писали о татарских захоронениях в немецких поселениях, упоминания о них встречаются лишь в публикациях Норберта Фишера [Fischer, с. 285] и

⁴ Адольф Квенсен (2 марта 1851, Гандерсхайм – 16 апреля 1911, Хелуан, Египет) был брауншвейгским художником-декоратором церкви, работавшим в историческом стиле.

⁵ ICATAT (Institute for Caucasic-, Tatarica-, and Turkestan Studies) – Институт кавказских, татароведческих и туркестанских исследований сформировался в 2005 г. в результате студенческой инициативы в «Sürgün» в Свободном университете Берлина [Hotopp-Riecke, 2012, с. 48].

Мариана Фюсселя, [Füssel, 2012]. Исследование межэтнических взаимодействий в контексте татарской погребальной культуры с 1990-х гг. занималась только С. Фелингс (S. Fehlings), однако она больше изучала ритуал крымских татар, крымско-татарскую погребальную культуру [Fehlings, 2008].

Официальное название улицы и конкретно места – «Am Tatarenggrab» («У татарской могилы») (деревня Кляйнбойха и район Диппольдисвальде) – прочно закрепилось в региональной культуре, что можно проиллюстрировать с помощью удивительных историй об этих могилах. В газетах и журналах было опубликовано несколько статей на немецком языке о могилах в Диппольдисвальде и Кляйнбойха [Becker], [Müller], [Schulreich, 21.10.1998], [Schulreich, Nr. 7, 1998], [Hotopp-Riecke, 2009], [Hotopp-Riecke, 2012], [Hotopp-Riecke, 2013]. Однако то ли из-за отсутствия литературных источников, то ли из-за недостаточной осведомленности авторов некоторые факты были представлены неточно либо неверно, некоторые авторы делились лишь какими-то предположениями о татарах.

Татарские захоронения в Диппольдисвальде (Dippoldiswalde)

В 2008 г. в газете «Райхштедтер нахрихтен» («Reichstädter Nachrichten») сообщалось следующее: «В 18-м веке было принято отдавать на службу профессиональных солдат в качестве наемников иностранных держав. Польша-Литва запросила в свою армию монгол из-за географической близости, в результате чего, вероятно, некоторые монголы попали в Польшу. Эти юноши (улань) – не этническая группа, а скорее обозначение традиционного обмундирования или вооружения польско-литовской конницы. Основной отличительной чертой являлись копы, применяемые в качестве основного оружия, и типичный шлем с плоской вершиной гребня. Уланский полк соответствовал приблизительно одному кавалерийскому полку (около 500 всадников). Это определение могло быть заимствовано из монгольского языка, поскольку я знаю, что казаки называют свои подразделения „полк“. Понятно, что „рожденные в седле“ монголы были включены в польские части. Из-за известной политической близости между Саксонией и Польшей в 18-м веке некоторые польские части, в том числе и прославившийся своими боевыми качествами уланский полк, воевали под знаменами Саксонии. В XIX веке и

прусская армия имела в своем распоряжении уланские полки (до 1918 года). Таким образом, вероятно, и оказались некоторые мусульманские монголы в наших краях» [Günther].

Монголы? Казаки? Польша-Литва? Географическая близость? Что-то здесь явно не сходится. Эти татарские захоронения возле Диппольдисвальде на самом деле восходят к Семилетней войне (1756–1763), известной как Третья Силезская война. В войне приняли участие все главные европейские державы того времени: Пруссия, Великобритания / Кур-Ганновер, Россия с одной стороны, и Австрия, Франция – с другой. Генерал Зербеллони (Serbelloni) – в 1762 г. командующий союзными Австрии войсками – имел в своем распоряжении в том числе и три уланских полка саксонской армии под командованием полковников Шибеля (Schiebel), Билака (Bielack) и Радницки (Radnitzky) [Beust, с. 244–247], [Гришин, с. 136–142], [Hörning, с. 100], [Theilig, с. 213–335].

Однако здесь необходимо вести речь не о монгольских солдатах, а о мусульманах-татарах, которые служили в частях под названиями «Босняки», «Улань» или «Хазары». Об их самоназвании судить довольно сложно – нередко татарские дворяне в польско-литовской называли себя «Товарзисы» («Товарищи») [Theilig, с. 249–252].

Упоминания о татарских поселенцах и наемниках встречаются в Галиции, Волыни и Литве уже тогда, когда эти области находились под влиянием Золотой Орды (1259–1279/85). «Отправленные в Польшу монголы» или «мусульманские монголы» из «Райхштедтер нахрихтен» («Reichstädter Nachrichten») – это, таким образом, польско-литовские татары и крымские татары, которые служили в польской армии с XIV века. Первые регулярные подразделения так называемых уланов или босняков с татарскими воинами имелись в польско-саксонской и прусской армиях с XVII века. Мустафа Сулькевич (Mustafa Sulkiewicz), о котором речь пойдет ниже, был, соответственно, не «татарином из южной области России» [Schäfer], а мусульманским дворянином, представителем шляхты из Польши.

Слово «полк» не из монгольского языка, как предполагает автор газетной публикации, а этимологически восходит к слову «Volk», и славянское слово «полк» (по-польски – «Pułk») обозначает «единство народа, полк» [Heyse]. За заслуги перед Великим польско-литовским княжеством некоторые татарские семьи были

причислены к шляхте, получили и пользовались привилегиями, в том числе правом на звание офицера в польско-литовской армии. В их числе был и Мустафа Сулькевич (Mustafa Sulkiewicz), погибший во время сражения у Райхштедта (Reichstädt). Его первоначальная могила была выполнена в виде своеобразной пирамиды со сводчатой крышей, которая была увенчана чалмой, сослуживцы похоронили его «по татарскому обычаю» и возвели этот памятник [Unger, с. 146–147]. Что подразумевалось под «татарским обычаем», остается не совсем ясным. Однако несколько лет спустя «ветер и непогода, а еще в большей мере любопытствующие личности, ищущие сокровища в памятниках подобного рода и осуществлявшие незаконные вскрытия <...> привели к тому, что вся пирамида была разрушена» [Anonym, 1784, с. 446–449]. Во время войны за баварское наследство в 1778 г. прусскими офицерами под предводительством генерал-майора Тойфеля фон Биркензее (Teufel von Birkensee) памятник был восстановлен «из почтения к проявленному мужеству» [Unger, с. 113], [Anonym, 1784, с. 448], [Anonym, 1840, с. 188]. Руководитель инспекционной школы Магдебурга, генерал-лейтенант Фридрих Кристоф фон Зальдерн (Friedrich Christoph von Saldern) (1719–1785), построил из песчаника новый памятник, который на этот раз был украшен шлемом, перьями и военными знаками. На оборотной стороне монумента значилось, что он воздвигнут в память погибшего Мустафы Сулькевича в мае 1779 г. [Anonym, 1784, с. 448], [Unger, с. 147].

Из семьи Сулькевичей (Sulkiewicz) происходят крупные исторические личности, которые до сих пор широко известны среди польско-литовских татар. Среди них – один из основателей социалистического движения в Польше Александр (Искандер) Мирза Сулькевич (погиб во время Первой мировой войны в 1916 г.) Его сын – известный потомок Мацей Сулейман бей Мухаммад Сулькевич (Maciej Suleymanbey Muhammad Sulkiewicz) (1865–1920) [Гулиев]. Он служил в российской армии в качестве генерал-лейтенанта и командира дивизии мусульман с 1917 по 1918 г., затем был премьер-министром демократического (не большевистского) крымско-татарского правительства (с июня по октябрь 1918 г.), а затем – генералом армии независимого демократического Азербайджана (1919–1920 г.).

В газете «Диппальдсботен» («Dippoldsboten») в 2007 г. Дитер Шефер

(Dieter Schäfer) приводит интересные детали о последующей судьбе татарского захоронения в Диппальдсвальде, ссылаясь при этом на книгу Унгера [Schäfer], [Unger, с. 146–148]. Таким образом, появляется новое, третье сообщение, которое гласит, что в 1800 г. «русские» поблагодарили офицеров Фридриха Великого за оказанную их соплеменнику честь. Это произошло во время второй коалиции против Наполеона, когда российские войска через Саксонию перебрасывались в западном направлении, среди них были и татары, и башкиры. В одной из публикаций 1840 г. однако отмечается иной факт: «<...> и русские поклонялись этому надгробному памятнику в 1813 году» [Anonym, 1840, с. 188a]. Несомненно, здесь имеются в виду татарские или башкирские солдаты пятнадцати казачьих рот, участвовавшие в боях 1813 г. [Sporschil; Heinrich, с. 141] или о «татаро-уланских полках» под командованием генерала графа Остермана-Толстого, которые приняли участие в битве за Дрезден в конце августа 1813 г. [Sporschil, 1840–41, с. 412 / 413]. По сведениям Рина (Riehn), служба калмыков и татар в составе казачьих подразделений была вполне обычным явлением – он приводит данные 1812–1813 гг.: в войне против Наполеона принимало участие 20 башкирских (в их составе также татары), четыре татарских, два калмыцких и один чеченский полки [Riehn].

Несмотря на то что такая практика была весьма распространенной, в публикациях того времени, в которых рассказывалось об уланах, калмыках, казаках и татарах как о солдатах в своих рядах, продолжал существовать стереотип азиатских варваров. Так, автор «Великой Хроники» («Große Chronik») Иоханн Шпоршил (Johann Sporschil) размышляет о древней, удивительной Азии как колыбели человечества, породившей, однако, и множество ложных религий, жестоких султанов и «беспощадно размахивающих мечами всадников монгольской степи», которые «обрушиваются, как саранча, на все живое, оставляя за собой моря крови и пирамиды черепов». По мнению автора, единственной движущей силой этой «монголо-татарской орды» была кровожадность, и он подчеркивал, что «азиатское общество может надеяться на облагораживание и возвышение только извне, только из Европы <...>, при этом необходимо разрушить все старое <...>, и ислам должен кануть в лету», тем не менее воины-мусульмане служили в русской, саксонской и прусской армии [Sporschil; Heinrich, с. 3–4]

Во всяком случае, перед битвой под Дрезденом в ночь с 23 на 24 августа 1813 г. в Диппольдисвальде находились войска, в состав которых входили и татары. Штаб-квартира царя Александра и фельдмаршала фон Шварценберга (von Schwarzenberg) была расположена недалеко от Райхштета (Reichstädt), а генерала Барклая де Толли (Barclay de Tolly) – непосредственно в Диппольдисвальде [Sporschil; Heinrich, с. 395–397, 412], так что у мусульманских солдат было много различных возможностей увидеть и посетить могилу Сулькевича. Несмотря на то, что в обществе преобладало негативное восприятие казаков и татар наполеоновского периода, за подобными захоронениями ухаживали очень тщательно, ассоциируя их с такими понятиями, как честь, храбрость и память [Unger, с. 116].

В своей «Истории города Диппольдисвальде до 1918 г.» Конрад Кнебель (Konrad Knebel) писал: «1 июля польские и саксонские уланы уланского полка столкнулись с прусской кавалерией. При этом погиб премьер-лейтенант татарин Мустафа Сулькевич, который из-за своего мусульманского исповедания был погребен не на христианском кладбище, а на склоне, рядом с пешей тропой, где на месте его погребения был возведен памятник» [Knebel, с. 377]. Вскоре татарское захоронение было причислено к региональным достопримечательностям, оно стало объектом регионально-исторической литературы и школьного воспитания [Türk, с. 144]. И сегодня микротопоним «Татарское захоронение» широко известен. Надгробный памятник с течением времени снова разрушился, и диппольдисвальдский помещик Генрих Мюллер (Heinrich Müller) и владелец типографии Карл Йене (Carl Jehne) восстановили надгробие «после сбора пожертвований в 30 талеров и концерта мужского хора, организованного 1 июля 1862 г.» [Unger, с. 148]. Местное население, администрация города и Горное общество (Gebirgsverein) ухаживали здесь за татарским наследием, так как оно воспринималось как часть региональной (не воспринимаемой негативно) истории.

В XX веке, в эпоху нацизма, «памятная колонна» татарского захоронения была снова повреждена. И вновь нашелся инициатор восстановления: случай привел правнука татарского офицера, польского полковника артиллерии Леона Сулькевича (Leon Sulkiewicz) в качестве военнопленного в Саксонию, где он узнал о состоянии могилы своего предка. Сам Леон

Сулькевич родился в Вильнюсе и после своего пленения 26 сентября 1939 г. должен был быть отправлен вместе с еврейскими офицерами польской армии в Освенцим, однако был отделен от последних и находился позже в крепости Кёнигштайн (Königstein), в которой были интернированы вначале польские офицеры, а впоследствии и офицеры армий союзников.

Из денежного содержания военнопленного он сэкономил 400 рейхсмарок, чтобы восстановить памятник в честь прадеда. С помощью советника Нагеля (Nagel) из Саксонского отдела охраны наследия это должно было быть сделано – к сожалению, это невозможно проверить на основании источников, так как архив в Дрездене был полностью разрушен в 1945 г. Леон Сулькевич узнал о поврежденной могиле своего прадеда, скорее всего, не от своих родственников, а, вероятнее всего, от правительственного советника Нагеля (Nagel) или его друга, советника по строительству Вольфганга Рауда (Wolfgang Rauda). Указанный Нагель был сыном профессора Кристиана Аугуста Нагеля (Christian August Nagel), который в период плена полковника Леона Сулькевича находился в крепости Кёнигштайн (Königstein) и являлся руководителем совета в области строительства при Саксонском отделе охраны наследия в Дрездене. С архитектором Вольфгангом Рауда (Wolfgang Rauda), который в 1940–1945 гг. являлся начальником отдела городского строительства в Лодзи (Litzmannstadt / Łódź), а впоследствии профессором Дрезденского университета и Технической высшей школы Ганновера, он находился в близких дружеских отношениях. В 1945–1946 гг. Рауда был архитектором и руководителем отдела строительства строительной дирекции в Саксонии.

Факт, что военнопленный при поддержке правительства смог восстановить мемориальный камень, может быть объяснен, с одной стороны, личными взаимоотношениями, с другой стороны – особым статусом интернированных офицеров. Согласно Женевской конвенции, им было позволено проходить по условно-досрочному освобождению, и так, вероятно, Леон Сулькевич познакомился с правительственным советником Нагелем. Сулькевич был освобожден и сражался до 1945 г. во второй дивизии Подольского уланского полка. В результате иницированного им третьего восстановления к нижней части переднего основания была прикреплена каменная плита, на которой было написано: «восстановлен в 1940 году пра-

внуком польского главнокомандующего Леона Сулькевича». Эту информацию мы можем видеть в рукописном сочинении школьницы Гизелы Каден (Gisela Kaden), написанном в 1946 г. К этому сочинению была приложена иллюстрация и карандашная графика. [Dippoldiswalde II. Heimatbuch]. Гизела Каден описала историю татарского захоронения и высказала следующее пожелание: «Наш прекрасный город пощадили в этой войне. Так будем же надеяться, что теперь Германия навсегда отказалась от своих завоевательных планов, разум и твердая воля принесут человечеству мир, а ужас и страдания войны никогда не сотрясут больше наш родной город». После Второй мировой войны могила стала больше походить на мемориал мира.

Где же можно увидеть упомянутые поздние надписи памятника? Их, к сожалению, это невозможно из-за повреждений в период Второй мировой войны и влияния погоды. Только в период ГДР за могилой вновь начали ухаживать, и «в 1985 году памятник был обновлен от имени федерального Союза культуры Диппольдисвальде» [Schäfer], однако только с одной видимой надписью. Благодаря интересу со стороны редакторов диппольдисвальдской газеты и господина Роланда Рихтера (Roland Richter) время от времени появляются новые публикации о татарской могиле [Berühmtes Tatarengrab].

В объединенной Германии местные добровольцы заботятся о татарском захоронении, чтобы разъяснить заинтересованной общественности ценность этого экзотического наследия и предотвратить дальнейшее разрушение и вандализм. К захоронению регулярно приезжают турецкие автобусы, и в местной прессе сообщается о событиях вокруг него, старые хроники перепечатаны и отредактированы [Unger E.] В газете «Зексисше цайтунг» («Sächsische Zeitung») были опубликованы многочисленные статьи об этом памятнике – «Auf Knien durch die Vergangenheit» («На коленях через прошлое») – 13.04.2002; «Original vom Tatarengrab entdeckt» («Найден оригинал татарской могилы») – 24.08.2004; «270 Denkmale hat Dippoldiswalde» («Диппольдисвальде имеет 270 памятников») – 04.08.2005; «Der Schatz im Stein» («Сокровище в камне») – 30.06.2005; «Tatarengrab» («Татарская могила») – 20.04.2005; «Versteckte Geschichte» («Спрятанная история») – 19.04.2005; «Vergessene Schätze werden ans Licht geholt» («Забытые сокровища выходят на свет») – 03.01.2007; «Dippscher dokumentiert Denkmäler im Landkreis» – («Задоку-

ментированные памятники округи Диппольдисвальде») – 06.10.2008; «Vandalen randalieren am Tatarengrab in Dippoldiswalde» («Вандалы бесчинствуют у татарской могилы в Диппольдисвальде») – 5.4.2008. О могиле упоминают и татарские авторы [Kričinskis].

Татарская могила Кляйнбойха около Бад Лаузика

Другая татарская могила находится в деревне Кляйнбойха (Kleinbeucha) между городами Гайтхайн (Geithain), Бад Лаузик (Bad Lausick) и Борна (Borna). Осенние походы в 1813 г. и решающие битвы при Лейпциге с 14 по 19 октября завершили Наполеоновскую эпоху в Европе. В битве на стороне Наполеона воевали французы, немцы, швейцарцы, поляки, казаки, итальянцы, голландцы, мамлюки, польско-литовские татары, хорваты и другие подразделения завоеванных народов; в армии союзников были немцы, австрийцы, русские, белорусы, украинцы, башкиры, казаки, латыши, калмыки, киргизы, татары, венгры, чехи, словаки, словенцы и шведы. На поле боя погибло около 16 000 прусских, 22 000 русских, 12 000 австрийских, 300 шведских и 30 000 французских солдат [Léfèbvre, с. 535]. При этом и солдаты шведской армии не были по национальности шведами: брали на службу немцев. В составе всех остальных армий, кроме прочего, сражались и татары. Они были расквартированы в тысячах немецких домов, в десятках сообщений и анекдотах встречаются упоминания о них. В наше время память о них сохраняется благодаря татарской могиле Кляйнбойха и годониму Am Tatarengrab («У татарской могилы») [Göschel, с. 17]. Прочие же локальные наименования, которые в топонимии напоминали бы о времени Битвы народов, уже канули в лету (например, такие как Baschkirenlager – башкирский лагерь, Kosakengrube – казачья шахта) [Kretzschmar, с. 37].

Несмотря на сравнительно недавнюю историю этой могилы, она уже переплелась с легендами, бытовавшими в этом регионе. При этом легенды о татарской могиле переплетаются с историческими фактами и существующими мифическими фигурами местной народной литературы:

«На лесной опушке Кляйнбойха расположена татарская могила. Там находятся две каменные плиты с незнакомыми письменами; две липы, одна у изголовья, другая у подножья, от-

теньют их. Здесь покоится погибший гетман⁶ татар. Поистине красивое место, где в грезах о своей далекой родине он может спокойно отдохнуть от шума выстрелов с поля боя. Он храбро сражался в битве при Лейпциге и был тяжело ранен в бою у Кляйнбойха. Его верные товарищи принесли его к имению Дитриха, где он и скончался.

Прошли годы. Снова наступила осень. Золотое солнце возвышается над полями, где пастух и его верный Вольф пасут овец. Какой-то странный звук нарушает тишину. Трусливые овцы жмутся друг к другу. Вольф, смелый, всегда готовый к бою товарищ, пугливо прячется за своего хозяина. Маленький человек с длинной белой бородой семенит к пастуху. Тот и посмотрел большими удивленными глазами на карлика. „Возьми это, – говорит карлик, – это волшебная книга, благодаря которой ты можешь стать обладателем огромного богатства. Держи скорее, ведь только раз в сто лет я могу предложить мои сокровища человеку“. Но благородный пастух отказывается. Всю его жизнь честный труд приносил ему радость, поэтому он не хотел бы связываться с колдовством. Тогда человек ушел. У татарской могилы он исчезает в лесу. Там, где до сих пор можно увидеть разрушенные стены исчезнувшей деревни, теперь ему снова придется проспать сто лет».

Так говорится в легенде, записанной в XX в. и принадлежащей к региональной культуре памяти [Schulreich, с. 73], [Müller, с. 369]. Подобные сказания передавались из уст в уста в течение почти двух веков, в письменном виде же появились только в конце 1970-х годов благодаря бизнесмену Готфриду Бекеру (Gottfried Becker) из Бад Лаузика и, благодаря учителю математики доктору Зенфу (Senf) из Гайтхайна (Geithain), были отправлены в редакцию областной газеты «Ляйпцигер фолксцайтунг» («Leipziger Volkszeitung»).

Интересные и неоднозначные сообщения содержатся в статье, опубликованной в газете «Нойе Гайтхайнер штимме» («Neue Geithainer Stimme») в 1963 году:

«Сегодня рядом с могилой стоит резная деревянная табличка, которая, к сожалению, недостаточно достоверно указывает о значении

места. По преданию, которое основывается на свидетельствах очевидцев, это был казачий гетман, который жил тогда в усадьбе Бойха. Там он заболел тифом и, чтобы избежать заражения, был изолирован на небольшой ферме. Камердинер и школьный учитель ухаживали за ним до самой его смерти. Так как офицер просил похоронить его в том месте, где не будет нарушен его покой, фермеры из Бойха выкопали могилу на холме на краю леса, где похоронили тело офицера, завернутое в зеленое сукно пророка Мухаммеда. На могиле поставили горшок с водой и разбили его. Каждому из присутствовавших детей казаки дали монетку и велели не оглядываться назад на могилу. Взрослые тоже не ушли без подарка». Вышеописанный эпизод о богатствах, предлагаемых карликом, может быть связан с известной традицией покидать могилу с деньгами, подаренными казаками. Подобно нравоучительным сказаниям и легендам XVIII в., и здесь звучит мотив целостности и честности. «Происходили ли эти события в начале 1813 г. или только после Битвы народов, сегодня уже не определить. Доказательством первого предположения являются устные повествования, в соответствии с которыми 10 октября французы находились там с намерением осквернить и уничтожить могилу» [Becker 1963]. Надгробная плита, изначально украшенная мозаикой, была в то время уже разрушена, а разрушители-вандалы бежали из-за наступления союзников. Это изображение в виде мозаики свидетельствует о том, что офицер был похоронен со своей лошадью. Сообщение о том, что татарин путешествовал с десятью лошадьми и шелковым постельным бельем, говорит о его статусе – это был высокопоставленный офицер. «Эта точка зрения хорошо согласуется с боевыми действиями тех дней. Около 25 лет могила была на попечении соотечественников из далекой России. Отрадно, что и в наши дни обеспечивается должный уход».

Так писалось о могиле в 1963 г.

Был ли погибший, согласно слухам, на самом деле гетманом казаков или нет, или, может быть, он был членом другого блока, вопрос остается открытым. Татарские и башкирские солдаты сражались, как уже выше упоминалось, во всех армиях бывших военных противников: в различных казачьих объединениях всех армий, а также в составе татарских или башкирских уланских полков, призванных в соответствии с рекрутским набором. Тот факт, что в течение

⁶ Интересным образом слово немецкого происхождения преобразуется через польский и украинский в татарское «полководец-гетман» (от нем. Гауптман) и путем присоединения второго «н» снова возвращается в немецкий язык.

многих лет родственники посещали могилу, а также использование слова «гок» на исходном камне могут быть свидетельством того, что в этой могиле был похоронен литовский татарин. Польское слово «гок», или украинское «рік», зародилось не на территории Российского Поволжья, где проживали татары и башкиры, эта языковая единица не встречается в речи крымского населения, где общим языком общения стал русский язык.

Татарских кавалеристов из Польши и Литвы можно было встретить как в наполеоновской армии [Nawrot, 2008, с. 480–624], [Morawski, 2008], так и в союзных армиях. Достоверно то, что в Битве народов на стороне французов участвовали литовские татары под командованием генерала Красинского. Под командованием генерала Красинского служили 4,5,6,7 эскадроны польского гвардейского полка (43 офицера, 535 солдат). Кроме того, в наполеоновской армии служили генерал Лион (Lion) с гвардейским полком (4 офицера, 530 солдат), 26-ая легкая кавалерийская бригада под командованием полковника Линденау (Lindenau) (32 офицера, 652 солдат), Уланский полк принца Клемента (Clement), VIII корпус под командованием генералов Понятовского (Poniatowski), Каменецкого (Kamieniecki) и Зиравского (Sierawski), бригады генералов Малаховского (Malachowski) и Грабовского (Grabowski), 27-ая легкая кавалерийская бригада под командованием генерала Уминского (Uminski), 27 польская дивизия под командованием генералов Домбровского (Dombrowski) и Жолтовского (Zoltowski), 18-ая легкая кавалерийская бригада и 4 уланских полка под командованием генерала Круковецкого (Krukowiecki), IV кавалерийский корпус и 4 уланских полка под командованием генералов Соколницкого (Sokolnicki) и Толинского (Tolinski); 8 легкая кавалерийская дивизия под командованием генерала Сулковского (Sulkowski); 19 кавалерийская бригада под командованием генерала Крустовского (Krustowski) и 8 уланский полк. Особо упоминается эскадрон литовских татар под руководством капитана Султана Улана и лейтенанта Хасана Алеб-имама, которые участвовали в сражениях под Гросгёршеном (Großgörschen), Баутцене (Bautzen), Дрезденом (Dresden) и Лейпцигом (Leipzig) и после войны продолжили службу у Александра I [Ахметшин, с. 138–139].

В зависимости от эпохи, в регионе существовало разное представление о татарской моги-

ле, однако оно всегда укладывалось в каноны сложившихся политических условий: в контексте наполеоновских войн татары упоминались как освободители, во время Второй мировой войны они уже были в числе врагов, воинами советской армии (то, что десятки тысяч поволжских и крымских татар служили в вермахте, немецкой общественности не было известно). Последнюю точку зрения демонстрирует, например, школьное сочинение: в 1943 г. одна ученица написала по поводу 130-й годовщины захоронения в Кляйнбойха: «Сегодня его соплеменники вновь побывали рядом с ним, но не как друзья, а как враги и военнопленные»⁷.

В контексте германо-советской дружбы могилу позже представляли в ГДР. В 1963 г. газета «Нойе Гайтхайнер штимме» («Neue Geithainer Stimme») писала: «Около 25 лет могила была на попечении родственников из далекой России. Отрадно, что и в наши дни обеспечивается должный уход. Разве не было бы для наших юных пионеров более благородной задачи, чем уход за могилой, которая служит знаком российско-немецкого братства по оружию?» [Becker, 1963].

Уже за десять лет до этого, на начальном этапе холодной войны, линия толкования этого периода истории была четко определена «властью рабочих и крестьян». Соответственно, отношение к таким этнически смешанным освободителям, как «казаки, башкиры, татары, калмыки, которые на своих проворных степных лошадях появились то там, то тут», согласно сталинской доктрине, было следующим: «Мы знаем, что в наше время травля против Советского Союза создала идеологическую отправную точку новой империалистической войны против них. Мы также знаем, что однажды эта фундаментальная глупость XX века, как Томас Манн назвал ненависть и травлю против Советского Союза, повергла наш народ в глубокую нищету. Все сводится к тому, чтобы показать нашим немецким братьям, что русский народ был и остается нашим другом: в 1813 г. русский народ и сегодня советский народ – первый в мире представитель социалистического государства [Donath 1953, стр. 61, 187].

Здесь демонстрируется идеологическая ограниченность исторической литературы ГДР и неграмотная оценка реального, неоднозначного и уже совершенно немирного объединения народов в разное время. Ошибочное предположе-

⁷ Благодарю господина Хельмута Гентшеля (Helmut Hentschel) за предоставление этих источников.

ние о единстве народов царской империи и равенстве в армии «свободных социалистических народов» не только отражает позицию идеологов из Москвы, но и демонстрирует стремление унифицировать всех представителей восточных народов в качестве положительного советского образца.

Если в начале XIX в. русские здесь считались чужими соседями с севера, то о татарах и башкирах сведения были минимальные, а о ближних соседях, польско-литовских татарах, они и вовсе отсутствовали. Так, офицер Юсуф, сын Мустафы, упоминается иногда как турок⁸, башкир⁹, татарин, иногда как «русский казак» или нейтрально как мусульманин, и до сих пор существуют различные спекуляции.

Приведу несколько примеров.

Например, удивительный фрагмент текста из сборника «Церковной галереи Саксонии»: «Около Бойха (Beucha), у так называемого Кеммерского моста (Kämmerbrücke) через реку Ойла (Eula), находится гробница высокопоставленного турецкого офицера, который умер от лихорадки в лазарете и, как потомок пророка, был завернут своими людьми в зеленую ткань и здесь похоронен. Надгробный памятник состоит из двух плит. На восточной стороне надпись на турецком языке: 1813. Иесус (sic!), сын Мустафы, великодушный и отважный. На западной стороне надпись на арабском языке: „Нет ничего, кроме Бога и Мухамеда, пророка Божьего (изречение из Корана)“. В оригинале сказано: „Бойха (...)“ В одном месте этого села есть турецкая могила, в которой погребен представитель последней войны наций, на открытом холме, с арабскими и турецкими письменами, освященная муфтием, украшенная песчаником и осененная отечественными липами» [Hofmann, с. 115–116].

На информационной доске могилы в Клайнбойха значится: «Скорее всего, это может быть командир башкирского подразделения российской армии. Этот народ, который уже в 1550 г. был под российской юрисдикцией, был автономной областью, которая в случае войны должна была предоставить элитные конные войска, наводившие на французские войска страх и ужас». Авторство фразы принадлежит «Местной организации Борнарской земли» (Heimatverein Bornaer Land e.V.)

На том же стенде до 2011 г. можно было прочесть, что категория «казак», восприни-

маемая как этническое название, была исключена из употребления с объяснением, что «<...> казаки являются христианами, в то время как надгробные камни и надгробные надписи на двух предыдущих плитах указывают на последователей Магомета. Вряд ли в данном случае идет речь и о крымских татарах, являющихся мусульманами, так как во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. на повестке дня стоял и религиозный вопрос, и по этой причине крымские татары не сражались в освободительных войнах на стороне России».

Последняя трактовка сама содержит некоторые неточности.

В казачьих полках также служили мусульмане: с одной стороны, казаками именовало себя население, проживавшее на р. Дон, на Кубани и у Днепра; с другой стороны, что важно и для нашего контекста, в западных армиях это был уже хорошо знакомый и принятый общий военный термин – аналог гусаров, уланов и драгун.

Вторая неточность появилась, вероятно, из-за незнания исторического многонационального и многоконфессионального состава царской армии. Как уже упоминалось выше, полки крымских татар воевали в постоянном составе российской армии и фактически еще с того момента, когда в 1783 году войска Екатерины II завоевали Крымское ханство. М. Масаев, например, описывает первые годы службы подразделений крымских татар на стороне России с 1784 по 1796 гг. и подтверждает это многочисленными источниками [Масаев]. Российские татары в немецкой литературе воспринимались как враги с Востока и воспринимаются как некое экзотическое дополнение к царской армии [Keller, Pawlik]. «Среди русских и других солдат в униформе армии союзников они были истинными райскими птицами. Каждый должен был самостоятельно обеспечивать себя одеждой, которую он только мог получить. Поэтому большинство из них были в красочных брюках и кожаных сапогах». При этом даже сохраняется написание «тартар»: «Башкирские и тартарские стрелки из лука были в составе...» – писал еще в 2011 г. К. Майне [Meine, с. 135].

В то же время военнотружущие польского, литовского и татарского полка из Прибалтики вряд ли обращали на себя внимание – они носили такие же мундиры, как и прусские, саксонские уланы – в физиогномике и одежде особый интерес обществу вызывали башкиры, киргизы и калмыки.

⁸ Becker 1963.

⁹ Donath 1953, pp. 187 and 61.

В целом можно сказать, что негативный образ, который возник у населения центральной Германии о татарах и башкирах, изменился во многом после реального знакомства с ними в ходе наполеоновских войн. В течение нескольких месяцев тысячи из них были расквартированы в Лейпциге, Дессау, Магдебурге и Дрездене, что нашло свое отражение в многочисленных тогдашних источниках [Die Völkerschlacht bei Leipzig, с. 298].

В девяностые годы двадцатого века, после того, как в объединенной Германии татарские и башкирские мигранты нашли свой новый дом в Саксонии, в Лейпциге и Дрездене произошло торжественное открытие двух мемориальных камней в память о погибших в 1812–1815 гг. башкирских солдатах российской армии [Hotopp-Riecke, 2009]. Во время открытия башкирского памятника внимание представителей СМИ было обращено и на татарскую могилу. В 2008 г., благодаря башкирским тележурналистам, появилось сообщение о могиле под деревней Кляйнбойха и истории их «башкирского земляка». Задолго до празднования годовщины 2013 г. большой интерес к сотрудничеству выразили немецкие местные региональные исторические общества, группа крымских татар в Германии; татарские и башкирские ассоциации из Германии принимали активное участие в подготовке мероприятия¹⁰. Среди них, например: «Heimatverein des Bornaer Landes e.V.», «Stadt- und Heimatsverein Rötha e.V.», «Stadtgeschichtliche Museum Leipzig», «Leipzig Tourist & Marketing GmbH», «Förderverein Völkerschlachtdenkmal e.V.», «Interessenverein Völkerschlacht b. Leipzig 1813 e.V.», «Tatarlar Deutschland e.V.», «Deutsch-tatarische Integrations-Verein TAMGA e.V.», «Tatarisch-Baschkirische Kulturverein e.V.», «Landsmannschaft der Krimtataren in Deutschland e.V.»

Такой существенный момент, как этническая принадлежность офицера Юсуфа, продолжает волновать тех, кто интересуется данным вопросом: новые события и инициативы о татарском надгробии под деревней Кляйнбойха демонстрируют актуальность этого уникального свидетеля о дискурсах памяти как на родине постсоветских мигрантов, так и среди крымских татар Германии, а также среди историков и представителей местного населения, интересующихся историей [Riemer, с. 50–55], [Hussel, с. 51].

¹⁰ За справку благодарю господина Хельмута Геншеля, Рёта.

Не только посетители из Татарстана (как, например, Рустем Гайнетдинов из Всемирного конгресса татар), но и Венера Герасимова-Вагизова, главный редактор газеты «АлТа-Баш», регулярно пишут о татарских могилах в Германии. Благодаря записям в рубрике «Ташлардагы татар тарихы», татарские могилы в Саксонии, а также татарское кладбище в Церенсдорфе зафиксированы в списке татарских памятных мест [Хотопп-Рикке. «Татаржанлы» алман Казанда]¹¹.

Землячество крымских татар в Германии является старейшим среди зарегистрированных мусульманских организаций в Германии (с 14 апреля 1965 г.), могилы в Саксонии относят также и к своей истории. Норберт Линк Хессинг, секретарь землячества, опубликовал сообщение на эту тему¹²: «Считается, что посредством изучения истории практики ухода за обоими татарскими надгробиями в Саксонии, в регионах поколениям передается не совсем однородный, немного измененный, но не негативный образ татар.

Топоним „татарская могила“ вместе с его историческим и национальным литературным фоном становятся частью региональной культуры, а также туристической инфраструктурой: прогулка по историческим тропам к могилам рекламируется туристам, и, по мнению граждан, занятых в муниципальных образовательных учреждениях, в пользу региональной экономики должны быть разработаны привлекательные маршруты» [Vergessene Schätze werden ans Licht geholt]. Вместе с музеем Диппольдисвальде, администрацией города, а также татарскими и турецкими мигрантами в сотрудничестве с ICATAT и военно-историческим музеем Дрездена будет возобновлен доступ к татарской могиле в городе Диппольдисвальде, а также планируется создание благоприятных условий для туристов. Решающее значение может иметь финансовая поддержка со стороны Фонда культуры и окружающей среды Лейпцигского округа, а также упоминание об этом культурном памятнике в дальнейшем [Loest].

¹¹ <http://tashlar.narod.ru/text/alman-kaber-ru.htm> (22.12.2009). http://www.partner-inform.de/news.php?ids=3472_134_4_12 (22.11.2010). <http://www.azatlyk.org/content/Article/1350671.html> (22.9.2009).

¹² <http://tashlar.narod.ru/text/alman-kaber-ru.htm> (22.12.2009); <http://www.tatarlar-deutschland.de/2009/09/14/tatarskaya-mogila-bliz-boyhi/> (13.12.2010).

В заключение хотел бы привести цитату из обширной документации германо-татарского взаимодействия последних лет о значении татарских могил Саксонии: «Это одно из немногих свидетельств не только толерантного отношения, но и совместного восприятия немецко-татарского наследия, которое напоминает не о мирном контакте культур различных народов, а об одном из самых страшных межэтнических конфликтов нашей истории. Такая творческая активность гражданского общества Саксонии вокруг татарской могилы запомнится многим поколениям тем, что не было правилом во все времена и во всех районах Германии. Мог ли офицер Юсуф, сын Мустафы, подумать, что он является представителем народа, о котором в немецком коллективном сознании существует двойное представление: с одной стороны, как потомок предполагаемых степных варваров, с другой – как мусульманин с Востока»¹³.

Литература

Ахметшин Ш. К., Насеров Ш. А. Татары на службе Отечества. Долг. Отвага. Честь. Страницы истории татарских воинских частей в российской армии императорской гвардии. СПб: Славия, 2006.

Гришин Я. Я. Взгляд через века. Казань: Татарское книжное изд-во, 1997.

Гулиев В. Польские татары на службе азербайджанской государственности // Зеркало. 2006. № 2, 9, 16, 23, 30. 2007, № 13, 20, 27. URL: <http://www.zerkalo.az/> (дата обращения: 22.01.2010).

Масаев М. В. Таврические татарские дивизионы бешлейского войска (1784–1796). Документы и материалы. Из истории военной службы крымских татар. Симферополь: Доля, 1999.

Аноним: Dippoldiswalda. In: Sachsens Kirchen-Galerie. Die Inspectionen: Pirna, Altenberg und Dippoldiswalde. Dresden: Herrmann Schmidt, Vierter Bd. / 5. Abth., 1840, S.187–193.

Аноним: Miscellaneen. In: (Hasche, J. C.) Magazin der sächsischen Geschichte. Dresden: Hasche, J.C., Erster Theil / zehntes Stück / XXXVIII, 1784, S. 446–449.

Becker G. Das Tatarengrab von Kleinbeucha. In: Neue Geithainer Stimme. Geithain: 1963.

Берühмtes Tatarengrab. In: Dippoldsbote Nr. 51, 20. Januar 2010, S. 8.

Beust F. Constantin von. Feldzüge der Kursächsischen Armee / Feldzüge in den Jahren 1733 bis 1763. Camburg: Wilhelm Rößler, 1803.

Braudel F. Geschichte und Sozialwissenschaften. Die longuedurée. In: (Honegger, Claudia) Schrift und Materie der Geschichte. Vorschläge zu einer systemati-

schen Aneignung historischer Prozesse. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1977, 47–85.

Die Völkerschlacht bei Leipzig: nebst Nachrichten von Zeitgenossen u. Augenzeugen über dieselbe. Hrsg. Robert Naumann. Leipzig 1863.

Dippoldiswalde II. Heimatbuch. Hrsg. Von Guntram König. Selbstverlag Dippoldiswalde, 2010

Donath F. Leipzig 1813: die Völkerschlacht im nationalen Befreiungskampf des deutschen Volkes. Leipzig: Bibliographisches Institut, Leipziger stadtdes Geschichte Forschungen im Auftrage des Stadtgeschichtlichen Museums, 1953.

Fehlings S. Ruhestätten in bester Lage. Räumliche Ordnungen sozialer Werte auf Friedhöfen in Simferopol/Krim. Berlin/Münster: Lit, 2008.

Fischer N. Raum für Tote: die Geschichte der Friedhöfe von den Gräberstraßen der Römerzeit bis zur anonymen Bestattung. Kassel: AG Friedhof und Denkmal, Zentralinstitut und Museum für Sepulkralkultur / Braunschweig: Thalacker, 2003.

Füssel M. Der inszenierte Tod. Militärische Sterbe- und Beerdigungsrituale im Siebenjährigen Krieg. In: Prüve, Ralf / Winkel, Carmen (Hrsg.): Übergänge schaffen. Ritual und Performanz in der frühneuzeitlichen Militärgesellschaft. (Serie «Herrschaft und soziale Systeme in der Frühen Neuzeit» 16, Göttingen V&R Unipress, 2012, S. 127–152.

Göschel J. Die Orts-, Flur- und Flussnamen der Kreise Borna und Geithain: Namenkundliche Untersuchungen zur Sprach- und Siedlungsgeschichte Nordwestsachsens. Köln / Wien: Böhlau, Mitteldeutsche Forschungen, 1964.

Göschel J. Die Orts-, Flur- und Flussnamen der Kreise Borna und Geithain: Namenkundliche Untersuchungen zur Sprach- und Siedlungsgeschichte Nordwestsachsens. Köln / Wien: Böhlau, Mitteldeutsche Forschungen, 1964.

Günther Th. Das Tatarengrab bei Dippoldiswalde. In: Reichstädter Nachrichten. Reichstädt / Dippoldiswalde: Ortschaftsrat Reichstädt, Januar 2008, 9/10.

Heyse Karl Wilhelm Ludwig. System der Sprachwissenschaft. Hildesheim: Olms, 1973.

Hofmann A. Beucha. In: Sachsens Kirchen-Galerie, 6. Bd., 7. Abth., die Inspectionen: Borna und Pegau, Lieferung 29. Dresden: Hermann Schmidt, 1840/41, S. 115–116.

Hörning Johann Christian, Adelung Johann Christoph (Hrsg.). Denkwürdigkeiten Friedrichs des Großen, itzt regierenden Königs in Preussen. Gotha: 1763.

Hotopp-Riecke M. Am Tatarengrab von Kleinbeucha. Sachsen: Eine Ortschaft ist stolz auf ein seltenes Element ihrer Geschichte. In: Islamische Zeitung, Berlin, 28.1.2012, S. 8.

Hotopp-Riecke M. Tataren in Sachsen. Von der Krim nach Kleinbeuch (mit Anja Hotopp). In: ZENITH. Hamburg/Berlin, 23.5.2013. URL: <http://www.zenithonline.de/deutsch/gesellschaft/artikel/von-der-krim-nach-kleinbeucha-003660/> (дата обращения: 20.06.2013).

¹³ <http://www.kultur-und-umweltstiftung.de/voelkerschlacht/restaurierung-des-tatarengrabes-bei-kleinbeucha/grussworte-zur-enthuellung-des-sanierten-tatarengrabes/> (22.1.2014).

- Hotopp-Riecke M.* Engagiert und interdisziplinär: 5 Jahre Institut für Caucasia-, Tatarica- und Turkestan-Studien (ICATAT). In: Kharissov, Ildar (Hrsg.): Wissenschaft, Kultur und Ehrenamt: 20 Jahre Gesellschaft für Osteuropa-Förderung e.V.; Berlin: Gesellschaft für Osteuropa-Förderung e.V., Zwischen Orient und Okzident Nr. 11, 2012, S. 48–62. URL: <http://icatat.files.wordpress.com/2008/01/entstehung-des-icatat.pdf> (дата обращения: 22.01.2014).
- Hotopp-Riecke M.* Sachsens Geschichte in Granit. Baschkirenstein und Tatarengräber in Sachsen. In: Altash, Nr. 57 (6), November/Dezember 2009. S. 19–24.
- Hussell L.* Kosaken und Baschkiren. In: Börner, Karl-Heinz (Hrsg.) Vor Leipzig 1813 - die Völkerschlacht in Augenzeugenberichten. Berlin: Verlag der Nation, 1988.
- Jaworski R.* Osteuropa als Gegenstand historischer Stereotypenforschung. In: Geschichte und Gesellschaft. Widerstand und Dissens in Osteuropa. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 13. Jahrg., H. 1, 1987, 63–76.
- Keller M., Pawlik C.* Russen und Russland aus deutscher Sicht, 9–17. Jahrhundert. München: Fink, 1992.
- Kretzschmar Karl-Heinz.* Russische Truppen in der Völkerschlacht 1813 – Erinnerungsstätten im Leipziger Raum. In: Leipzig und Russland: Streiflichter aus Vergangenheit und Gegenwart. Hrsg. von Erhard Hexelschneider...; Rosa-Luxemburg-Stiftung Sachsen. Leipzig: Rosa-Luxemburg-Stiftung Sachsen, 2007.
- Kričinskis S.* Lietuvos totoriai: istorinės ir etnografinės monografijos bandymas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993.
- Kultur- und Umweltstiftung Leipziger Land (Hrsg.): Bewahren was uns ausmacht. Förderprojekte 2001–2012. Leipzig: KUS, 2012.
- Lefebvre G.* Napoleon. Stuttgart: Klett-Cotta, 2003.
- Loest E.* Sechs Eichen bei Rötha. Satiren. Göttingen: Steidl, 2012.
- Meine Thomas M.* «Alle ins Gold!» und andere Irrtümer rund um Pfeil und Bogen. Norderstedt: BoD, 2011.
- Morawski R., Nieuważny A.* Wojsko Polskie w służbie Napoleona. Gwardia: szwoleżerowie, Tatarzy, eklererzy, grenadierzy. Warszawa: Karabela, 2008.
- Müller M.* Rundblick-Lesebuch: Heimatgeschichte, Brauchtum und Sagen aus dem Muldentalkreis; eine Sammlung von Erzählungen, Geschichten, Berichten und Anekdoten aus der Zeit zwischen 1500 und 1990. Beucha / Markkleeberg: Sax-Verlag, 1999.
- Nawrot D.* Litwa i Napoleon w 1812 roku [Litauen und Napoleon im Jahre 1812]. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach: Seria Historia, 2008.
- Riehn Richard K.* 1812: Napoleon's Russian campaign. New York [u.a.]: McGraw-Hill, 1990.
- Riemer S.* Erinnerungsfragmente an die Befreiungskämpfe in Leipzig und Umgebung. Norderstedt: GRIN, 2008.
- Schäfer D.* Das Denkmal Tatarengrab. In: Dippoldsbote, Nr. 21 vom 18. Juli 2007.
- Schulreich E.* (Red.). Das Tatarengrab bei Kleinbeucha. In: Heimatblätter aus dem Bornaer Land. Borna: Heimatverein des Bornaer Landes e.V., Nr. 7, 1998, S. 73.
- Schulreich E.* Interessante Geschichten um Grabstelle bei Kleinbeucha. Völkerschlacht wird gefeiert, doch Tatarengrab verkommt. In: Leipziger Volkszeitung. Leipzig, 21.10.1998.
- Sporschil J., Heinrich M.* Die grosse Chronik. Geschichte des Krieges der verbündeten Europa's gegen Napoleon Bonaparte, in den Jahren 1813, 1814 und 1815. Braunschweig: Westermann, 1840–41.
- Theilig S.* Türken, Mohren und Tataren. Muslimische (Lebens-) Welten in Brandenburg-Preußen im 18. Jahrhundert. Berlin: Frank & Timme, 2013.
- Türk W.* Ein Tartarengrab. In: Sachsengrün. Culturgeschichtliche Zeitschrift. Dresden: Klemm, G. / Richard, A.B. / Gottwald, F., Nr. 1 / 1. Oktober, 1860, 144.
- Unger E.* Unsere Heimat - Bunte Bilder aus dem Dipp'ser Land. Dippoldiswalde: Grafische Werkstätten, 1997.
- Unger R.* Unsere Heimat, der Bezirk Dippoldiswalde. Heimatkunde. Dippoldiswalde: Paul Quase, o.A.

УРТА АЛМАНИЯДӘГЕ ТАТАР КАБЕРЛӘРЕНЕҢ АЛМАН-ТАТАР ХӘТЕРЕ УРЫНЫ БУЛАРАК РОЛЕ ТУРЫНДА¹

Мисте Хотопп-Рикке,
Кавказ, татарларны өйрәнү
һәм Төркестан тикшеренүләре институты (ICATAT),
Алмания, 39124, Магдебург ш., Швизер ур., 11 нче йорт / R. 2126,
Hotopp-Riecke@icatat.de.

Мәкаләдә Урта Алманиядәгә татар каберләренең тарихы турында кызыклы материал тәкъдим ителә. Чыганаclarны киң күләмдә анализлау нигезендә Саксониянең Диппольшисвальде (Dippoldiswalde) һәм Клайнбойһа (Kleinbeucha) шәһәрләрендәгә татар каберлекләре турындагы мәгълүматлар системага салып бирелә. Авторның игътибары тарихи фактларны бәян итүгә түгел, күбрәк әлеге феноменның рухи ягын тикшерүгә юнәлдерелә. Каберлекләренең тарихын торгызып, алар белән бәйлә риваять һәм истәлекләргә анализлап, тикшерүче жирле халыкларның татар һәм башкортларга мөнәсәбәттәгә стереотиплары динамикасын ачыклай. Төбәк мәдәниятендә һәм Алманиянең туристик инфраструктурасында «татар каберләре»нең әһәмияте ачып бирелә.

Төп төшенчәләр: татарлар, тарихи хәтер, Урта Алмания, татар каберлекләре, алман-татар бәйләнешләре.

¹ Бу текст Икенче Бөтендөнья сугышында Урта дингездә сугышкан бабайларым Карл Германн Бенц һәм Вальтер Германн Рикке, шулай ук үзләренең сөйгәннәрен беркайчан да күрмәүдән курыккан әбиләрем Луиза Гермина Бенц белән Элли Елена Марта Рикке истәлегенә багышлана.